

НОВАЯ ПОЛЬША 12/2004

Содержание

1. МЫ ВЫБРАЛИСЬ ИЗ ТРЯСИНЫ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. О ЕЗДЕ НА ВЕЛОСИПЕДЕ, или «К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА»
4. "К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА"
5. ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЧАСТНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
6. ВАРШАВСКАЯ КОЛЯДА 1939 года
7. СТИХИ
8. СТИХИ
9. СОЧЕЛЬНИК И ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В НАШЕМ ДОМЕ
10. СТИХИ
11. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
12. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

МЫ ВЫБРАЛИСЬ ИЗ ТРЯСИНЫ

Беседа с профессором Лешеком Бальцеровичем,

вице премьером польского правительства

в 1989 1991 и 1997 2001 гг.,

одним из «отцов» польских экономических реформ

— 15 лет — это круглая дата. Стоило ли вообще заваривать кашу в 1989 году, чтобы сегодня видеть Польшу такой, какая она есть?

— А в какой ситуации была бы Польша, если бы она продолжала гнить в трясине социализма? Пример далеко искать не придется, он прямо за нашей границей — это Белоруссия. У любого человека, который хотя бы чуть-чуть знаком с польской историей, не может быть и тени сомнения, что с социалистической диктатурой порвать стоило. С точки зрения открывшихся перед нами возможностей, период после 1989 г. можно рассматривать как самый благоприятный в нашей истории за последние 300 лет. Проблема заключается не в том, что мы вообще начали реформы, а в том, что в нескольких ключевых пунктах не довели эти реформы до конца.

— Так что вы скорее удовлетворены достигнутыми результатами?

— Удовлетворен, но не до конца, потому что прекрасно понимаю, насколько ниже был бы уровень безработицы, если бы реформы не тормозились и нас не принуждали бы принимать порочные решения в социальной сфере. И все-таки я твердо знаю, что мне выпало участвовать в поистине исторических событиях. Когда в 80-е годы я изучал механизмы экономических успехов Южной Кореи или ФРГ, мне даже в голову не приходило, что все это может оказаться нужным на практике, а не в чистой теории. Поэтому я ощущаю себя избранныком судьбы.

— Несмотря на то, что ваша личность до сих пор вызывает столько негативных эмоций, а в опросах общественного мнения о доверии к политикам вы регулярно оказываетесь на последних местах?

— А на кого в последнем пятнадцатилетии больше всего был направлен непрекращающийся поток «черной пропаганды» —

от националистического «Нашего дзенника» до коммунистической «Трибуны», — не говоря уже о пропаганде, распространяемой многими политическими деятелями? Благодаря тому, что я занимался историей реформ, я знаю, с каким невежеством и цинизмом приходится сталкиваться, если ты реформируешь собственную страну. Результаты опросов в СМИ и личные нападки никогда не влияли на принимаемые мною решения.

— *Вы по-прежнему с трудом переживаете подобные нападки? Они вас задевают?*

— Я научился наблюдать политическую жизнь глазами естествоиспытателя: в природе встречаются самые различные особи. Кроме того, всю эту «черную пропаганду», которую распространяют представители определенной части политической сцены, с лихвой компенсируют выражения признательности множества людей в Польше и во всем мире. Безграничный цинизм и невежество, проявляемые некоторыми участниками политической жизни в Польше, мне лично не доставляют особых переживаний, но они беспокоят меня по другой причине. Я боюсь, что люди в Польше позволят себя обмануть, обвести вокруг пальца, а потом будут об этом горько сожалеть. Вокруг нас беспрерывно появляются все новые и новые клоны «батьки» Лукашенко.

ПОЛЬША, ЧЕХИЯ, ВЕНГРИЯ: МЫ В ПЕРВЫХ РЯДАХ

— *Чего мы добились — мы, Польша, — за эти 15 лет? Где мы находимся по сравнению, например, с Венгрией или Чехией?*

— Валовой внутренний продукт (ВВП) в Польше с 1989 по 2002 г. вырос на 30%. За этот же период в Словении он увеличился на 21%, в Венгрии — на 12%. Так что если говорить о ВВП, то мы являемся абсолютными лидерами. Аналогично обстоит положение с инфляцией. Здесь мы добились крупных успехов, начав с гораздо худшей исходной позиции, чем Чехия или Венгрия. Огромные успехи отмечены также в области здравоохранения, охране окружающей среды, высшем образовании и т.д.

— *Но уровень безработицы — это уже не наша сильная сторона.*

— Это правда, но привели к этому вовсе не реформы в направлении свободного рынка, а их отсутствие или даже то, что можно назвать «антиреформами»: чрезмерное государственное регулирование и непомерные обязательные отчисления на социальное страхование, ограничения в

развитии рынка наемных квартир и т.п. Разумеется, нельзя забывать и о том, что в Польше в период преобразований отмечался более высокий, чем в других странах, прирост активной на рынке труда части населения в возрасте от 15 до 64 лет.

— Венгрия и Чехия обогнали нас также по уровню иностранных инвестиций.

— Самыми важными являются прямые иностранные инвестиции. В Чехии их консолидированный объем составляет 3700 долл. на душу населения. Это больше, чем в Чили. В Венгрии их уровень — 2100 долларов. В Польше — 1100 долларов на душу населения, то есть меньше, чем, например, в Словакии, Эстонии, Словении. В этом отношении мы находимся где-то на уровне Литвы.

— Подобное соотношение не меняется годами. Почему?

— Я думаю, это обусловлено тем, что в Польше масштаб приватизации не столь значителен. Чехия, например, продвинулась гораздо дальше нас в приватизации топливно-энергетического сектора, которая была там проведена с широким участием иностранного капитала. Кстати, можно отметить, что самая мощная волна приватизации в Чехии имела место в период правления социал-демократов, а не тогда, когда премьер-министром был Вацлав Клаус. В последние годы темпы приватизации в Польше явно замедлились, и я рад, что теперь это изменяется. Стоит также присмотреться, как польская политика влияет на восприятие нашей страны потенциальными инвесторами. Несомненное препятствие для притока зарубежных инвестиций — это состояние наших дорог. Литовцы и словаки улучшили качество дорог более существенно по сравнению с нами, потому что не в такой степени, как мы, «проедали» бюджетные средства.

— Не связаны ли эти различия с тем, что наши политики слишком осторожничали — например, в отношении приватизации?

— Реформы должны проводить политики крупного масштаба, заглядывающие далеко и не боящиеся восстановить против себя различные группы давления. Таким политиком был, например, премьер-министр Испании Хосе Мария Аснар, который ускорил развитие страны, мобилизуя людей перспективой вхождения в зону евро. Сегодня Испания в отношении бюджетной дисциплины выгодно отличается, например, от Германии.

— Но где же найти этих политиков крупного масштаба? Вряд ли их в мире очень много...

— Это зависит от того, как люди выбирают. Сегодня, например, можно с восхищением смотреть на Словакию. Она тащи́лась в самом хвосте стран, проводящих реформы, а благодаря премьер-министру Дзуринде и вице-премьеру Миклошу на глазах превратилась в лидера. Однако до этого Словакию возглавлял Мечар... Национальный характер словаков не изменился, изменились их политические решения. Радикальными реформаторами наверняка были те, кто возглавил реформы в странах Прибалтики, особенно в Эстонии и Латвии, а затем — в Литве. Это были молодые люди, прочитавшие правильные и нужные книги. Они читали Хайека, читали труды классических либеральных экономистов. Большую, трудную и неблагодарную работу выполнил в Венгрии Лайош Бокрош, министр финансов в правительстве социалистов. А специалисты по «черному пиару» сделали из него чуть ли не злого демона...

МЫ В РЕГИОНЕ: ЕСТЬ И ТАКИЕ, ЧТО НАС ОПЕРЕЖАЮТ

— Итак, экономические показатели свидетельствуют, что по сравнению с Чехией или Венгрией Польша выглядит неплохо. А на фоне всего нашего региона?

— С точки зрения улучшения показателей жизненного уровня Польша — абсолютный лидер среди постсоциалистических стран. Однако стоит добавить, что некоторые страны бывшего СССР развиваются в последние годы быстрее, чем страны Центральной Европы. К ним относятся, например, Армения, где были проведены глубокие реформы, стимулирующие развитие экономики.

— Но и бедных в Армении немало. В чем же тогда состоит преимущество этой новой экономической системы?

— Уровень бедности — это наследие прошлого, а насколько быстро она будет сокращаться, зависит от качества этой системы. В Армении объем бюджетных расходов по отношению к ВВП почти вдвое ниже, чем в Польше. Благодаря этому у них и налоги вдвое ниже, и к тому же бюджет почти сбалансирован. Низок также уровень инфляции; значительно расширились границы экономической свободы. Я не знаю страны, которая была бы экономическим «тигром» при наличии подобного уровня государственных расходов, как в Польше. Среди стран Центральной Европы, пожалуй, Литва больше всего сделала для снижения налогового бремени и благодаря этому ускорила свой

экономический рост. Добавлю, что все это происходило в период правления «социалиста» Бразаускаса.

— *А какие статьи бюджетных расходов урезала Литва?*

— Там были сокращены практически все налоги. Если бы такое проделать в Польше, то 9 из 10 экономистов наверняка сказали бы, что в долгосрочной перспективе это, пожалуй, и правильно, но в самом ближайшем будущем приведет к резкому падению потребительского спроса, а тем самым и к падению ВВП. Тогда как в Литве, а до этого в Эстонии и Латвии оказалось, что как раз вследствие резкого ограничения бюджетных расходов доверие и позитивные ожидания потребителей и инвесторов выросли настолько, что быстро увеличился и потребительский спрос и — в результате — ВВП. Проявился также эффект действия других механизмов, не «кейнсовского» типа. Это вытекает из последних исследований, проведенных Польским национальным банком. «Охлаждение» экономики, выражаясь языком демагогов, на самом деле оказалось ее «разогревом».

— *Далеко ли вперед продвинулась Польша по сравнению с другими странами в течение 15 лет реформ?*

— Колоссально, особенно по сравнению с тем, что делалось бы, если бы мы оставались погрязшими в трясине социализма. Наступили гигантские преобразования в области наших внешнеэкономических отношений. Надо только осознать, что мы экспортируем такое множество новых продуктов, которых не выдумал бы даже самый гениальный работник централизованного планирования. Не случайно Хайек говорил, что рынок — это механизм непрерывного открывательства. А кто делает эти открытия? Миллионы свободных людей, предпринимателей и творческих работников, открывают сегодня свои возможности. В этом и состоит преимущество рыночной экономики над экономикой порабощения.

— *И все же в оценке нашей действительности иногда встречаются предвзятые идеи.*

— В Польше совершается гигантская технологическая революция. Но так как не было обнародовано никакой правительственной программы закупки заграничных лицензий, то многие этой революции даже не заметили. Нельзя смотреть только на показатели расходов на научные исследования и конструкторские разработки и беспокоиться, что мы расходуем на них меньше, чем США.

Подобные сравнения в принципе некорректны, так как не учитывают разницы в уровне развития различных стран. США — это мировой лидер. Они немногому могут научиться у других и потому вынуждены больше тратить на исследования. При этом страны, стоящие на более низкой ступени развития, обладают более широкими возможностями применения знаний и технологий, почерпнутых извне, что дает им исторический шанс на ускоренное развитие. Этот шанс использовали все страны, преодолевавшие свою технологическую отсталость — от Японии до Ирландии.

— Пусть даже экономика и развивается, но в обществе (что все чаще у нас подчеркивается) наблюдается все более осязаемое неравенство.

— Большее неравенство не всегда хуже, чем большее равенство. Разве наш идеал — это «уравниловка»? Кроме того, в прошлом многие проявления неравенства просто скрывались. Если же речь идет о дифференциации денежных доходов, то применяющийся в статистических исследованиях т.н. коэффициент Джини (описывающий степень отклонения фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения между всеми жителями страны) показывает, что в постсоциалистических странах, достигших более интенсивного экономического роста, неравенство доходов растет медленнее.

Для примера: в Польше значение этого коэффициента возросло с 0,28 в 1987–1990 гг. (абсолютно равномерному распределению доходов соответствует значение 0, а максимальному неравенству — значение 1) до 0,33 в 1996–1998 гг., то есть незначительно. Более новых данных пока нет. На Украине же показатель неравенства вырос в это время с 0,24 до 0,47 при более медленном экономическом росте (а если говорить точнее — даже экономическом регрессе).

Так что ежедневные причитания СМИ, что в Польше резко растет социальное неравенство, имеют мало общего с результатами конкретных исследований. А уж полным абсурдом можно назвать бытующее мнение, что лучше согласиться на более медленный экономический рост, только бы при этом уменьшилось неравенство. Дело в том, что основные факторы, тормозящие экономический рост, в то же время способствуют сохранению бедности и морально неприемлемого неравенства.

— И это сильно раздражает профессора Бальцеровича?

— Меня раздражает вредоносность глупостей, провозглашаемых публично и являющихся результатом цинизма или невежества. Я опасаюсь, что люди позволят себя обмануть.

КАК ПОСТРОИТЬ КАПИТАЛИЗМ БЕЗ СОБСТВЕННОГО КАПИТАЛА

— *По вашему мнению, какую роль в модернизации польской экономики сыграл иностранный капитал?*

— Любая развивающаяся страна, да даже и самые богатые страны — все стремятся привлечь прямые иностранные инвестиции. К тому же в Польше коммунизм вообще уничтожил капитал и капиталистов. В некоторых сферах, например, в банковском деле, требуются крупные капиталы и особые знания.

— *А банкам иностранный капитал помог?*

— Без него у нас была бы гораздо более слабая банковская система. В некоторых отношениях эта система сейчас даже прогрессивнее американской. Например, в США — по различным причинам — все еще распространены чеки.

Для проведения приватизации банков у нас были два пути. Страны Центральной Европы перед лицом ничтожного объема внутреннего капитала приватизировали банки со значительным участием внешнего капитала. Альтернативным решением было отложить приватизацию на более поздний срок, то есть сохранить государственную собственность в той сфере, где политические соображения при принятии решений могут оказаться особенно опасными для всей экономики. Первый путь выбрали не только Польша, но и Чехия, Словакия, Венгрия. Результат? В банках этих стран большинство капитала — иностранного происхождения. Подобным образом обстоит дело в Мексике, Чили, Новой Зеландии.

Иначе выглядит положение в России, где по различным причинам доступу зарубежного капитала чинили всевозможные препятствия. В результате возникла весьма специфическая банковская система с огромным доминированием одного государственного банка. В КНР банковская система тоже полностью управляется политическими властями, что создает самые серьезные опасности для экономики в целом.

— *И все же люди по-прежнему относятся к приватизации с недовольством.*

— А что произошло бы, если бы в Польше, как в Белоруссии, в экономике сохранилась ведущая роль государственной собственности? Мы слышим различные голоса, протестующие против приватизации, и уверения, что под угрозой оказываются наши национальные интересы. Однако проза жизни ясно показывает, что некоторые политики просто не желают расстаться со своим влиянием на предприятия. Приватизация лишает политиков инструментов воздействия на предприятия.

Без приватизации, в условиях экономики, где господствует государство, невозможно порвать с социализмом. Не стоит также забывать, что упорядоченная приватизация вытесняет «дикую», которая нередко скрывается под «вывеской» государственной собственности. Упорядоченная приватизация препятствует разворовыванию основных фондов (активов) предприятий. И поэтому каждый раз, когда мы слышим протесты против приватизации, следует внимательно присмотреться, кто кричит громче всех и что он может предложить взамен.

МЫ ВСТУПИЛИ В ЕВРОСОЮЗ, А КОГДА ЖЕ ВОЙДЕМ В ЗОНУ ЕВРО?

— Не являлось ли важнейшим стимулом развития польской экономики стремление в Евросоюз, к открытию рынков, гармонизации законодательства?

— С определенным упрощением можно сказать так: когда у власти стояли реформаторы, то все это имело второстепенное значение, потому что они и так хотели эту страну реформировать. Однако бразды правления не всегда были в их руках, и это стремление сыграло чрезвычайно позитивную роль — скажем так, в определенные периоды.

— В Евросоюз мы уже вошли, но до евро еще далеко. Как вы думаете, может ли стремление войти в зону евро, приспособиться к господствующим в ней принципам, вновь оказаться движущей силой нашего развития?

— Далеко ли нам до евро или близко — это зависит от нас самих. А точнее — от темпов оздоровления финансов нашего государства. Евро — это для Польши положительная перспектива. Благодаря вхождению в зону евро с большой степенью вероятности можно ожидать роста инвестиций, увеличения экспорта и роста нашей экономики. Разумеется, если это вхождение произойдет в условиях прочно оздоровленных государственных финансов и более гибких

рынков. Однако невозможно прочно оздоровить государственные финансы, если откладывать эту задачу на будущие годы. Лучше всего было бы сделать это «одним махом», как в Литве или Словакии.

— *Как вы оцениваете сегодняшнюю польскую налоговую систему?*

— В некоторых отношениях она лучше, чем в США, но все еще далека от той, которой располагают лидеры в этой области.

— *Не слишком ли смелое это утверждение?*

— В США необычайно сложная налоговая система, но зато и налоги ниже. В Польше общий объем налогов и обязательных отчислений в госбюджет по сравнению с ВВП неоправданно высок, а все потому, что у нас чрезмерный уровень бюджетных расходов. Таким образом, каждая серьезная дискуссия о снижении налогового бремени должна начинаться с вопроса о снижении бюджетных расходов. Иначе мы просто будем закрывать глаза на действительное положение вещей.

В некоторых отношениях налоговая система в странах Центральной и Восточной Европы превосходит подобную систему во Франции или Германии. Дело в том, что у нас меньшая доля приходится на прямые налоги, а большая — на косвенные. А эти последние гораздо менее вредно отражаются на экономическом развитии, чем первые. Поэтому давление на нас со стороны некоторых представителей государств-членов ЕС, чтобы мы повышали именно прямые налоги, с экономической точки зрения было просто абсурдным. Однако это давление в каком-то смысле пошло нам на пользу: сегодня в Польше даже самый ярый демагог не осмелится требовать повышения налога на прибыль предприятий и фирм. Мне остается только пожалеть, что Франция и Германия не настаивали на том, чтобы мы повысили подоходный налог с физических лиц — быть может, это заставило бы задуматься авторов некоторых законодательных инициатив.

— *А тем временем парламент только что проголосовал за дополнительную, 50 процентную ставку подоходного налога с физических лиц для самых высоких доходов...*

— Ну что тут можно сказать: экономические расчеты, обосновывающие этот законопроект, совершенно неубедительны, а декларируемые мотивировки морального характера в высшей степени подозрительны. Я уже не говорю об интеллектуальном уровне различных «обоснований». Недавно меня рассмешил один политик-профессор, который

написал, что все это было сделано, чтобы спасти капитализм. Наверняка ему неизвестно, что он повторяет зады определенных западных социалистических концепций полувековой давности. Либеральный экономист Антони де Жазе давным-давно высмеял эти концепции (например, в своей монографии «Рыночный социализм»).

МЫ НЕДООЦЕНИВАЕМ МАСШТАБ ПЕРЕМЕН, ПРОИСХОДЯЩИХ НА СЕЛЕ

— Отсутствие реформ и проведения реструктуризации в сельском хозяйстве — это один из самых серьезных упреков по адресу ваших реформ, проведенных в начале польских преобразований. Только теперь, после нашего вступления в ЕС, положение начинает меняться.

— Раньше в Польше сельское хозяйство было частное, но в каком-то смысле — и социалистическое тоже, так что тут очень многое предстояло изменить. В сфере снабжения здесь царили централизованное распределение и взяточничество, в сфере сбыта — постоянный дефицит. С такой ситуации нам и пришлось начинать. Кроме того, незадолго до начала реформ крестьяне получили огромную «компенсацию», связанную с переходом на рыночную систему со свободными ценами. Закупочные цены сельскохозяйственных продуктов резко возросли, что способствовало гиперинфляции, а цены на технику и промышленные товары, снабжающие село, росли гораздо медленнее. Длительное время такая ситуация сохраняться не могла.

Возврат к элементарной сбалансированности экономики должен был означать также сокращение огромных субсидий сельскому хозяйству. Закончилось и время безвозвратных (списываемых) кредитов. Все это было воспринято как вопиющая несправедливость и, разумеется, систематически и широко муссировалось политическими группировками и партиями, которые стали называть себя «крестьянскими» или «аграрными».

— Предположим, но это влечет за собой множество различных последствий. Многолетнее недовольство сельского населения...

— А что надо было сделать? Выделять более высокие субсидии или бороться за укрепление рыночных отношений в сельском хозяйстве? Я лично боролся за второе, но союзников у меня было не слишком много. Кроме того мы склонны недооценивать масштаб перемен, уже произошедших в польской деревне. Есть целая группа «фермеров», которые

модернизируют свои хозяйства. Большим подспорьем здесь стала модернизация агропищевой промышленности, которая превратилась в Польше в весьма важную отрасль. Посмотрите, как много у нас появилось молокоперерабатывающих заводов самого современного уровня.

— Однако проблема структурной безработицы в некоторых сельских регионах остается весьма острой. Особенно там, где раньше были «госхозы».

— Стоило бы организовать серьезную дискуссию по поводу этих бывших госхозов. Противники польских реформ представляют их преобразование в самом черном свете. Тем временем мы завершили необходимую приватизацию этого сектора сельского хозяйства, причем в условиях непрекращающихся демагогических нападок. А что касается сельских районов вообще, то нам приходится наверстывать отставание, накопленное десятилетиями, если не столетиями. Для живущих на селе особенно важно развитие экономики в целом.

— Быть может, эти нападки возникли потому, что у работников госхозов не было таких систем социальной защиты, которые были созданы, например, в горнодобывающей промышленности?

— А вам хотелось бы, чтобы в Польше налоги были еще выше? И насколько? Программа социальной защиты работников горнодобывающей промышленности была итогом с трудом достигнутого компромисса. И я не был на стороне тех, кто хотел добиться для шахтеров еще больших преимуществ!

— И в результате у нас до сих пор остается нерешенной трудная проблема.

— Это только одна сторона правды. На шахтах и рудниках произошло огромное сокращение штатов. Напомню, что еще в 1989 г. у нас было 400 тысяч шахтеров, а сегодня — только 136 тысяч.

— Следует добавить, что это сокращение повлекло за собой огромные расходы.

— Согласен, но пусть кто-нибудь скажет, много ли у меня было союзников в борьбе за снижение этих расходов. То, чего нам сегодня особенно не хватает, — это приватизация шахт. На примере горной промышленности наглядно видно, к чему может привести реструктуризация без приватизации.

НАСТРОЕНИЯ И АРГУМЕНТЫ

— Вернемся к настроениям недовольства в обществе. Ведь они проявляются не только на селе? Чем вы это объясняете?

— Чтобы иметь возможность оценить проблему недовольства, возникающего в ходе реформ, нужно посмотреть, каковы настроения в обществе, где реформы не проводятся, где страна по-прежнему грязнет в болоте социализма. Так вот, там люди тоже либо недовольны, либо бездумно верят пропаганде, либо просто запуганы. Отсутствие рыночных реформ идет рука об руку с диктатурой. Так обстоит дело в Белоруссии, в Узбекистане, в Туркменистане.

— *Однако реформы тоже вызывают недовольство.*

— Разумеется, а что же в этом удивительного? Когда меняется общественный строй, меняется и рейтинг зарплат и престижных должностей. Те, кто в старой системе были в привилегированном положении, отнюдь не всегда сохраняют его после перемен. У нас это относится, например, к шахтерам. Прежняя система была чрезвычайно энергоемкой, и поэтому высоко ценился труд тех, кто добывал уголь. А как при социализме относились к бухгалтерам или информатикам? С пренебрежением. Квалифицированный труд при социализме ценился невысоко. С того времени зарплаты шахтеров пошли вниз по сравнению с информатиками или бухгалтерами, хотя их материальное положение все равно лучше, чем у шахтеров на Украине. Люди, относительное социальное и материальное положение которых ухудшается, вовсе не обязаны быть энтузиастами перемен. Но разве это достаточная причина, чтобы не реформировать страну?

— *А вы попробуйте изложить подобные аргументы безработным.*

— Прежде всего следует устранить причины безработицы. Откуда она взялось в Польше? От того, что появился свободный рынок? Нет. Наоборот, свободный рынок оказался скован чрезмерным государственным регулированием трудовых отношений и патологической системой социального обеспечения. Речь здесь в основном идет не о пособиях по безработице, а о гигантских расходах на пенсии для совсем еще не старых людей, которым разрешили выходить на пенсию до положенного срока, о пенсиях по инвалидности, о Кассе социального обеспечения работников сельского хозяйства. Они-то и вынуждают государство повышать налоги, а высокие налоги неуклонно приводят к снижению занятости.

— *Пусть даже ваша аргументация и объясняет слишком медленное снижение безработицы сегодня, но согласитесь, что*

скачкообразное увеличение безработицы в 1999–2001 гг. все-таки имело иные причины.

— В это время Польша пережила различные внешние потрясения, которые способствовали падению спроса на работников с более низкими квалификациями: около 70% прироста числа безработных приходится на неквалифицированных и низкоквалифицированных работников. На этих людях сильнее всего сказываются результаты различных жестких регулирующих мер в социальной сфере — нетрудно сообразить, что завышенная минимальная зарплата приводит в «вымыванию» с рынка труда прежде всего наименее квалифицированных работников.

— *Быть может, вы посвятили слишком мало времени объяснению того, что нужно сделать, чтобы провести реформы. С самого начала не ощущалось никаких реальных последствий диалога с обществом.*

— Всегда можно сказать, что можно было сделать больше. Вначале Польша добилась успеха, так как переломные перемены удалось осуществить сравнительно быстро. Если бы мы тогда погрязли в бесконечных дискуссиях, судьба реформ оказалась бы под вопросом.

— *А откуда следует, что поляки действительно хотели иметь такой свободный рынок, какой у нас сегодня есть?*

— Наш рынок во многих отношениях деформирован государственным вмешательством («интервенционизмом»), однако эстатысты всегда во всем винят сам по себе свободный рынок. Кроме того, большинство населения не имеет точного представления о том, какие перед нами стоят проблемы и из каких вариантов нам приходится выбирать решения. К тому же у нас в СМИ слишком мало интересных популяризаторских и публицистических статей и передач на эти темы. На экранах телевизоров мелькает слишком много профессиональных политиков. Действительно, чего уж проще — пригласить в студию двух таких, что будут стараться друг друга перекричать, да еще и натравливать одного на другого. А какое впечатление от этой «дискуссии» остается у зрителей? Ругани, скандала, и ничего больше. Разумеется, свобода СМИ — это одно из важнейших достижений наших преобразований, но это не означает, что они не могут быть мишенью критики.

— *Никто не может быть лучшим пропагандистом перемен, чем тот, кто ими доволен. Почему в Польше не возник пресловутый*

«средний класс», который повсюду в мире является самым горячим сторонником свободного рынка?

— Возник, а как же. Только он очень занят, трудится, строит капитализм. А кто протестует против реформ? Люди, которые по различным причинам либо не слишком заняты, либо хорошо организованы. Однако не стоит слепо верить в то, что каждый предприниматель — горячий сторонник либерализма и обожает конкуренцию. Что хорошо для отдельного предприятия, не обязательно полезно для экономики в целом. И наоборот.

— Как по-вашему, польские политики действительно не понимают смысла экономических процессов или просто не желают их понимать?

— Политики бывают разные (да и журналисты тоже), но все же многие участники политической жизни на самом деле действуют под влиянием циничного или оппортунистического расчета либо ошибочных сведений и представлений, которые зачастую хуже элементарного отсутствия знаний. Если кто-то хочет научиться плавать кролем, то лучше, чтобы он вообще не умел плавать, чем уже привык плавать «по-собачьи».

— Почему политики в Польше этого не понимают?

— Повторяю, это не только проблема незнания или заблуждений — нередко это результат обыкновенного цинизма или опасения, что с демагогическими лозунгами бороться невозможно, потому что все равно проиграешь. Пока что мы можем утверждать, что не потратили эти 15 лет впустую, хотя и не использовали их в полной мере. Сейчас важно, чтобы в политической борьбе не победил очередной клон Лукашенко. А у нас есть несколько таких доморощенных «лукашенков».

— К сожалению, мыслящему человеку в Польше сегодня нелегко выбрать политика, которому он мог бы доверять.

— В свободной стране никто не имеет права сетовать на политиков и в то же время сидеть сложа руки. Нужно мобилизоваться. Пусть этот мыслящий человек задумается, что он будет делать, если победит демагогия. Пусть каждый, кто считает себя «мыслящим человеком», вспомнит о своей гражданской ответственности и начнет действовать как гражданин, то есть бороться против демагогии, которая, как я уже говорил, вырастает на почве либо цинизма, либо невежества.

Дискутировать с демагогией невозможно: во-первых, ее не перекричишь, а во-вторых, наивно думать, что ты можешь победить главного демагога, используя его же методы. Нет, в этом случае ты сам начинаешь работать на этого демагога, а он — набирать очки. Чудодейственных рецептов нет — кроме того, что во имя успеха нашей страны нужно систематически, умело и организованно работать. Нужно высмеивать, издеваться, сражаться. И не сдаваться.

— Чего хотел бы пожелать себе сегодня реформатор Лешек Бальцерович?

— Когда-то я профессионально занимался спортом и потому знаю, насколько важно быть на вершине своей формы. Я не жалею, что в самой своей лучшей форме я был в начале 90 х. А желаю я себе того, что каждый человек обычно желает себе (кроме здоровья и личных успехов), — чтобы у меня по-прежнему была интересная работа. Тут я даже особенно не беспокоюсь. Нам столько еще предстоит сделать.

Беседу вели

Эва Ключковская и Кишиштоф Бень

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• 11 ноября — польский День Независимости. В этот день в 1918 году Польша вновь обрела независимость после 120 лет разделов между Австрией, Германией и Россией. Между тем, как пишет историк, политик, бывший деятель антикоммунистической оппозиции и политзаключенный Лешек Мочульский, «за последние 15 лет [поляки] постепенно утратили сознание того, что каждая Речь Посполитая означает новый этап становления государственной независимости. До 1795 г. существовала Первая Речь Посполитая, после 1918 г. — Вторая, а начиная с 1989 г. мы живем в Третьей Речи Посполитой. В определении „Третья Речь Посполитая” кроется символ очень важной ценности — независимости». (Речь Посполитая — в дословном переводе Общее дело, то есть Res publica, Республика. Польша — кажется, единственная страна, где этот термин — не заимствование, а прямой перевод с латинского. — Ред.) («Ньюсуик-Польша», 14 ноября)

• Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, в котором опрошенные могли перечислить не более пяти крупнейших достижений и неудач Польши после краха коммунизма, основными успехами поляки считают: вступление в Евросоюз, свободу слова и передвижения (по 45%), вступление в НАТО (36%), переход к демократии (27%) и конец ПНР (26%). В числе самых крупных неудач опрошенные чаще всего называли: высокую безработицу (77%), коррупцию (69%), нечестность политиков (61%), критическую ситуацию в здравоохранении (59%), обеднение общества (55%) и угрозу преступности (38%). («Жечпосполита», 4 ноября)

• В рейтинге благосостояния и социально-экономического развития, составленном Программой развития ООН (UNDP), Польша занимает 37 е место из 177 ми. Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич: «Думаю, Польша может себе позволить (возможно, вместе с другими странами) предложить какому-нибудь государству или региону конкретный проект помощи, который мы будем осуществлять. По данным опроса общественного мнения, проведенного в прошлом месяце, 63% поляков высказываются за оказание

помощи в развитии бедным странам». («Газета wyborча», 4 ноября)

- Александр Квасневский после получения информации о взятии в заложники польки: «Мы не уйдем из Ирака. Это означало бы пойти на поводу у террористов». Однако, по неофициальным сведениям, польские дипломаты уже несколько месяцев ведут с американцами переговоры о дате вывода войск — прежде всего потому, что польским налогоплательщикам иракская миссия обходится в 300 млн. злотых в год. («Жечпосполита», 29 окт.)

- Из всех крупных государств Евросоюза Польша развивается самыми быстрыми темпами. По оценкам экспертов Европейской комиссии, в 2004 г. только в небольших Литве и Латвии экономика была более динамичной. («Жечпосполита», 19 окт.)

- В течение восьми месяцев 2004 г. объем польского экспорта увеличился на 22%, а импорта — на 17%. За это время экспорт в Россию увеличился на 53% (в пересчете на доллары — почти на 70%) и составил 3,6% всего польского экспорта (годом раньше — 2,9%). При этом объем импорта из России увеличился только на 5,3%. («Жечпосполита», 19 окт.)

- Польша становится одним из ведущих европейских производителей сельхозпродуктов. За первые восемь месяцев 2004 г. поляки продали в остальные страны ЕС сельхозпродуктов на сумму 2,1 млрд. евро. Это на 500 миллионов больше, чем стоимость продуктов, импортированных за тот же период из других стран Евросоюза. («Жечпосполита», 23–24 окт.)

- Началась выплата крестьянам дотаций ЕС. В общей сложности они получают 8 млрд. злотых. Деньги будут выплачены до конца января 2005 года. Сколько получают крестьяне? Большинство — немногим более 500 злотых на гектар сельскохозяйственных угодий. Каждый может рассчитывать на основную дотацию (210 зл. на гектар) и дополнительные средства в зависимости от рода производства. Производители зерновых и масличных культур получают по 292 зл. на гектар. Больше достанется производителям хмеля (1000 зл. на гектар) и картофеля, предназначенного на крахмал (250 зл. за каждую тонну). Дотации крестьянам, ведущим хозяйство в неблагоприятных условиях (например, в горах), составят 170–260 злотых. («Газета wyborча», 19 окт.)

- Польша уподобилась странам Западной Европы, где уже давно в моде тропические породы дерева. За последние годы польский импорт экзотической древесины (главным образом из Индонезии и Ганы) увеличился в три раза. Тем самым поляки вносят свой вклад в уничтожение тропических лесов, выполняющих функцию климатической губки мира. Вдобавок вместе с растительностью гибнут и животные. (Иоанна Пылка и Ян Смяловский, «Газета wyborcza», 14 окт.)

- Польские предприниматели все смелее скупают действующие в Польше иностранные фирмы. Благодаря неплохой экономической конъюнктуре доходы и прибыли польских хозяйственных субъектов увеличились. На рынке все теснее — чтобы расти, нужно поглощать конкурентов. («Жечпосполита», 15 окт.)

- «Согласно докладу ЦРУ, представленному Конгрессу США, в 90-е гг. Польша нарушала эмбарго на поставки оружия в Ирак: мы продали Хусейну несколько сот двигателей „Волги“, которые могли быть использованы в производстве ракет». («Тыгодник повсехный», 17 окт.)

- Подавляющим большинством голосов Сейм ввел четвертую налоговую ставку: отныне лица, зарабатывающие в год более 600 тыс. злотых, будут платить 50-процентный налог с суммы, превышающей этот порог. До сих пор в Польше было три налоговых ставки: 19, 30 и 40%. («Жечпосполита», 23–24 окт.)

- 93,73% людей, платящих подоходный налог, рассчитываются по 19-процентной ставке, 4,11% — по 30-процентной и лишь 1,16% платят 40-процентный налог. Первая, самая многочисленная группа налогоплательщиков дает бюджету 51,62% общего поступления подоходного налога. От второй группы в бюджет поступает 18,64%, а от третьей, самой малочисленной, — 29,74%. («Ньюсуик-Польша», 4 ноября)

- В рейтинге привлекательности государств для инвесторов, составленном Всемирным экономическим форумом на основе сведений, поступивших от предпринимателей, Польша заняла 60-е место. В прошлом году она была на 45-м. Среди факторов, затрудняющих деятельность предприятий, чаще всего приводятся следующие: малая эффективность власти, коррупция, высокие налоги, нестабильность законодательства, слабо развитая инфраструктура и жесткое регулирование рынка труда. («Жечпосполита», 14 окт.)

- В III квартале 2004 г. иностранные инвесторы проявляли к Польше больший интерес, чем в минувшие годы. 69

заграничных фирм заявили о намерении инвестировать в Польшу почти 1,9 млрд. долларов. С начала года до конца сентября 164 иностранных предприятия запланировали или осуществили в Польше инвестиции на общую сумму 4,4 млрд. долларов. Таким образом в 2004 г. размах иностранных инвестиций в Польшу будет значительно больше, чем в 2003 м. («Жечпосполита», 25 окт.)

- Поляки все охотнее берут кредиты. Этому способствуют выгодные предложения банков и улучшение экономической ситуации. К концу сентября задолженность домашних хозяйств в банках была почти на 14% (т.е. на 14 млрд. злотых) выше, чем год назад. Поляки охотно берут валютные кредиты на покупку недвижимости. («Жечпосполита», 20 окт.)

- В сентябре показатель инфляции снизился с 4,6 до 4,4%. По некоторым прогнозам, к концу года инфляция может снизиться до 4-4,3%. («Жечпосполита», 15 окт.)

- Премьер-министр Марек Белька уже второй раз в этом году получил вотум доверия Сейма. Сначала Сейм отклонил предложения об отставке министра здравоохранения Марека Балицкого (большинством в 232 голоса против 207 при 11 воздержавшихся) и министра иностранных дел Влодзимежа Цимошевича (232 голоса против 213 при 5 воздержавшихся), а затем вынес вотум доверия всему правительству Бельки. Премьер-министра поддержали 234 депутата. Оппозиции удалось собрать 218 голосов. («Газета wyborча», 16-17 окт.)

- Комиссия Сейма по делам спецслужб пришла к выводу, что бывший начальник Управления охраны государства, а затем Агентства разведки Збигнев Семёнтковский из «Союза демократических левых сил» (СДЛС) превысил свои полномочия, проверяя по поручению президента досье Марека Бельки, когда тот был кандидатом на пост премьер-министра. Комиссия сообщила об этом в прокуратуру. («Тыгодник повшехный», 24 окт.)

- В Люблине бывший министр юстиции Гжегож Курчук угрожал главному редактору газеты «Дзенник всходний», публиковавшей нелицеприятные статьи о СДЛС, отрезать газету от источников рекламы. Редактор Анджей Мельцарек записал этот разговор на диктофон и сообщил о нем в Агентство внутренней безопасности и прокуратуру. Этот инцидент получил огласку, в частности благодаря тому, что за журналистом стоит сильный издатель — «Оркла». Однако сколько подобных случаев остаются неизвестными? Издания органов местного самоуправления составляют около 33% всей

местной печати, а независимые издания — только 25%.
(«Политика», 6 ноября)

- Известный экономист Ян Винецкий: «Склонность к хождению кривыми путями и сомнительным в нравственном отношении действиям нормальна для люмпен-интеллигента». («Впрост», 17 окт.)

- Постановлением Верховного суда Рышард Ходынецкий признан виновным в люстрационной лжи. Это означает, что он скрыл факт своего сотрудничества с органами госбезопасности ПНР. В результате депутат СДЛС лишился своего мандата. Кроме того в течение 10 лет он не сможет занимать некоторые государственные должности. («Тыгодник повсехный», 17 окт.)

- Решением Апелляционного суда председатель комиссии по иностранным делам, бывший председатель парламентской фракции СДЛС и бывший министр юстиции Ежи Яскерня признан виновным в люстрационной лжи. Яскерня утаил свои связи со спецслужбами ПНР. («Жечпосполита», 23–24 окт.)

- Люстрационный суд запретил участвовать в публичной жизни также бывшему директору радиостанции «Радио Кошалин» Рышарду Залевскому. В настоящее время ведется еще 40 люстрационных процессов. Только в 2004 г. в люстрационной лжи были уличены 86 человек. («Ньюсуик-Польша», 4 ноября)

- Согласно опросу ЦИОМа, в конце октября «Гражданскую платформу» поддерживали 26% поляков, «Лигу польских семей» — 15, «Право и справедливость» — 12, «Самооборону» — 11, СДЛС — 8, «Польскую социал-демократию» и крестьянскую партию ПСЛ — по 7%. («Газета wyborча», 27 окт.)

- Премьер-министр Марек Белька назвал выборы и референдум в Белоруссии фарсом. «Наша оценка однозначна, но сейчас речь идет о том, чтобы, изолируя власти Белоруссии, не изолировать белорусское общество. Мы хотим, чтобы как можно больше белорусов приезжало в Польшу и видело, как можно жить и строить демократию», — сказал премьер-министр. («Газета wyborча», 21 окт.)

- Фальсификацию выборов и референдума в Белоруссии подверг критике министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич: «[Подобные вещи] вредят не только этому государству, но и всем, кто хотел бы сотрудничать с ним». Министр добавил, что Польша будет поддерживать демократические перемены в

Белоруссии и призывать своих партнеров во всем мире не забывать об этой стране. («Жечпосполита», 19 окт.)

- По мнению Богдана Клиха, депутата Европарламента от «Гражданской платформы» и члена делегации польских наблюдателей в Белоруссии, Евросоюзу не следует признавать белорусские выборы и референдум честными и справедливыми. «Мы представили свою позицию Европейскому парламенту», — сказал Кlich. («Газета wyborcza», 19 окт.)

- Создать независимую радиостанцию, передающую программы для белорусов, учредить стипендии для белорусской молодежи и ликвидировать визовые сборы для граждан Белоруссии предложили, вернувшись из Минска, польские депутаты Европарламента Богдан Кlich и Яцек Протасевич из «Гражданской платформы». По их мнению, недавно избранный белорусский парламент не имеет демократического мандата на выражение интересов общества. («Жечпосполита», 21 окт.)

- Польские вузы принимают студентов ликвидированного президентом Белоруссии Европейского гуманитарного университета. Одни планируют установить сотрудничество с преподавателями ЕГУ, другие готовы освободить часть белорусских студентов от платы за обучение. Есть и такие, которые уже приняли белорусских студентов, заплатив за их обучение, питание, проживание и выделив им деньги на карманные расходы. («Газета wyborcza», 20 окт.)

- Ликвидированный Лукашенко университет будет существовать. Предоставить помощь Европейскому гуманитарному университету обещали власти Варшавы. («Жечпосполита», 19 окт.)

- Влодзимеж Богачик, польский наблюдатель на выборах президента Украины (в первом туре) от Польско-украинского форума: «На Украине я не видел нарушений при подаче голосов, зато был свидетелем манипуляций при составлении списков избирателей». («Газета wyborcza», 3 ноября)

- По оценке Марека Сивеца, председателя комиссии Европарламента по отношениям с Украиной и одного из четырех сопредседателей делегации Европарламента на украинские выборы, «голоса подсчитывались очень добросовестно», а «положительная роль президента Кучмы — залог того, что во втором туре все пройдет нормально». Между тем руководитель миссии 600 наблюдателей ОБСЕ Герт Аренс

публично заявил, что выборы не соответствовали демократическим стандартам. Нарушение принципов свободных выборов подвергли критике, в частности, пресс-секретари МИДов Франции и США, а также генеральный секретарь совета ЕС, верховный представитель ЕС по внешней политике и безопасности Хавьер Солана. Наблюдатели, журналисты и представители украинской оппозиции приводили многочисленные примеры злоупотреблений и фальсификаций. (Бартош Венглярчик, «Газета wyborcza», 4 ноября)

- Министру иностранных дел Влодзимежу Цимошевичу удалось убедить глав дипломатических ведомств стран-членов ЕС занять общую позицию по вопросу Украины. Резолюция, предложенная Польшей, была рассмотрена в заключение встречи в верхах глав государств Евросоюза. Официальная позиция ЕС такова: во время первого тура президентских выборов были нарушены демократические стандарты. Перед вторым туром Евросоюз призвал Киев обеспечить обоим кандидатам равный доступ к СМИ. («Жечпосполита», 6-7 ноября)

- Владимир Павлов, журналист, корреспондент «Радио Свобода» в Варшаве: «„Почему у поляков получилось, а у нас — нет?“ — в последние годы это один из основных украинских вопросов (...) Свою вышедшую в сентябре книгу о польско-украинских отношениях я озаглавил „Почему поляки не любят украинцев?“. Именно этот вопрос знакомые и незнакомые соотечественники, знающие, что я уже несколько лет живу и работаю в Варшаве, задают мне чаще всего (...) Еще несколько лет назад пророссийские представители верхов независимой Украины издевались над оппозицией, которая устанавливала сотрудничество с польскими политиками и неправительственными организациями. Сегодня издевок уже не слышно. Даже те украинцы, которых никак нельзя назвать сторонниками укрепления польско-украинских отношений, вынуждены признать, что Польша остается нашим единственным последовательным другом за западной границей (...) Еще 15 лет назад контакты с Польшей поддерживала только Западная Украина, и только ее жители знали польский язык. Между тем сегодня в большинстве крупных городов студенты, бизнесмены, работники органов местного самоуправления, журналисты и т.д. поддерживают контакты с Польшей, где живут их партнеры и друзья (...) На презентации моей книги во Львове кто-то спросил, напишу ли я вторую часть — „Почему украинцы не любят поляков?“. Я искренне ответил: и исследования, и мой опыт показывают,

что писать такую книгу уже нет необходимости. Лишь бы только это не изменилось». («Ньюсуик-Польша», 14 ноября)

- «Это кабинетная провокация, месть!» — сказал бывший министр государственной казны Веслав Качмарек на специальной пресс-конференции, посвященной взятке, которую он якобы получил от российского концерна «Лукойл». В июле 2003 г. в Вене российский шпион Владимир Алганов рассказал о взятке самому богатому польскому бизнесмену Яну Кульчику. Кульчик сообщил об этом начальникам Агентств внутренней безопасности и разведки. («Жечпосполита», 15 окт.)

- «Афера „Орлена” [крупнейшего польского нефтяного концерна] ширится, появляются все новые подробности. Все началось с подозрений, что правительство Лешека Миллера незаконно использовало спецслужбы для смены президента этой государственной компании. В ходе работы следственной комиссии Сейма это в значительной мере подтвердилось (...) Согласно записям, которые предал огласке начальник Агентства разведки, самый богатый польский бизнесмен вел деловые переговоры с бывшим российским шпионом, обещая изменить некоторые невыгодные для российских инвесторов решения министерства государственной казны, касающиеся Гданьского нефтеперерабатывающего комбината, и намекая при этом на поддержку президента Польши (...) „Афера Рывина” положила конец политической карьере Лешека Миллера (...) Чтобы афера „Орлена” не завершилась подобным же образом, ее герои должны полностью объяснить свое участие в ней. Все — начиная с Александра Квасневского». (Ян Скужинский, «Жечпосполита», 22 окт.)

- Рышард Стефанский подал в отставку с поста заместителя генерального прокурора. Ранее депутаты из комиссии Сейма по расследованию аферы «Орлена» обвинили его в даче ложных показаний, а затем устроили ему очную ставку с бывшим начальником Апелляционной прокуратуры Зигмунтом Капустой. («Тыгодник повсехный», 24 окт.)

- Бывший глава польской разведки Збигнев Семёнтковский (СДЛС) заявил комиссии Сейма по расследованию аферы «Орлена»: «Все, что я говорю, обусловлено не какой-то антироссийской фобией, а информацией, которую я получил в бытность начальником Управления охраны государства. Боюсь, что произошла реставрация Российской империи. Россия выходит на рынок горючего в Восточной Европе, скупая западноевропейские фирмы, участвовавшие в приватизации топливно-энергетического сектора. Если бы мы продали Гданьский нефтеперерабатывающий комбинат фирме „Рот

энерджи”, за которой стоял российский „Лукойл”, нам грозило бы то же самое. Вчера танки, сегодня нефть». Семёнтковский признал, что Польша обречена на поставки 95% нефти из России. Президент Квасневский в интервью «Политике» тоже предостерегает — от опасности русофобии: «После того, что сейчас происходит, атмосфера для российских инвестиций будет еще хуже». (*«Газета польска»*, 28 окт.)

• Януш Штейнхоф, вице-премьер в правительстве Ежи Бузека: «Когда я слушаю высказывания господина министра Збигнева Семёнтковского о российском империализме, меня охватывают смешанные чувства. Было бы ошибкой предполагать, что за каждой российской инвестицией кроются спецслужбы России. Разумеется, россияне хотят иметь влияние в Польше, но наши чиновники должны контролировать, кто в действительности стоит за некоторыми сделками. У государства есть огромные возможности регулирования, и оно должно их использовать». (*«Газета wyborча»*, 29 окт.)

• «То, как обстоят дела с обеспечением Польши топливом, вызывает серьезную озабоченность. Весь газ мы импортируем из России, и у нас нет никаких гарантий, что Москва не перекроет кран. Почти всю нефть мы тоже покупаем в России, причем покупаем по меньшей мере подозрительным образом. Долгое время ее главными поставщиками были два таинственных человека, чья деловая карьера наводит на мысль о связях с российскими спецслужбами. Трубопровод Одесса — Броды — Плоцк, единственный проект, который мог существенным образом изменить ситуацию, был недооценен польскими властями и брошен на произвол судьбы, пока наконец не пал на Украине жертвой российского лобби. Что сделали все правительства, с которыми был связан министр Семёнтковский, чтобы изменить эту ситуацию? Очень немного, а иногда даже пытались сохранить статус-кво». (*Яцек Лэнский, «Газета польска»*, 3 ноября)

• «Алганов наверняка знал, что его слова, произнесенные на встрече с Кульчиком, станут достоянием польских спецслужб и могут вызвать лавину. На самом деле, говоря о протекции и взятках, доходящих до самой верхушки власти, Алганов подбросил бомбу в польские политические и деловые верхи. Однако ни Алганов, ни кто-либо другой в Москве не предполагал, что бомба взорвется случайно. Никто не мог знать, что будет создана комиссия Сейма по расследованию аферы „Орлена” (...) Для россиян, которые уже не первый год пытаются купить нефтеперерабатывающие комбинаты в Плоцке и Гданьске и тем самым взять под контроль

стратегический гданьский „Нафтопорт” [нефтяной терминал], компрометация главных игроков на рынке (...) и легкий испуг Квасневского были бы выстрелом в десятку. Это позволило бы им избавиться от польских конкурентов в борьбе за комбинаты (...) После такой аферы, как эта, трудно будет найти в Польше политика, который рискнет продать какую-либо стратегическую фирму российским инвесторам». (Ян Пинский, *Кишиштоф Трембский, «Впрост», 24 окт.*)

• «Больше всего это повредит президенту Александру Квасневскому. До сих пор он мог считаться авторитетом, который укоряет правящие круги за причастность ко все новым аферам, а сам лишь слегка „задет” аферой Рывина. Теперь он оказался в центре событий. Из его нынешнего положения нет хорошего выхода (...) Афера может положить конец его мечтам о шефстве над новым левым движением (...) В результате политических потерь он уже не будет так хорошо подходить на роль потенциального связующего звена между всеми левыми партиями. По тем же причинам Квасневский не сможет стать и потенциальным „отцом” кандидата в свои преемники, которого поддержали бы все левые силы. Под вопросом может оказаться также его возможная международная карьера по окончании президентского срока (...) Затронут ли последствия этого политического землетрясения и правительство Бельки?» (Петр Смилович, *«Жечпосполита», 22 окт.*)

• Из интервью с президентом Александром Квасневским: «Раньше у Путина были претензии к тому, что мы хотим диверсифицировать» источники поставок [нефти и газа]. В последний раз он уже об этом не спрашивал, так как дело было после известной истории с приостановкой поставок в Белоруссию, в связи с которой он сам позвонил мне с извинениями и объяснял, что нам это ничем не грозит. Официально Путин никогда не поднимал темы ни о какой российской фирме, зато неоднократно затрагивал вопрос неблагоприятной атмосферы для российских инвестиций в Польшу. После нынешних событий эта атмосфера станет еще хуже (...) Мои ответы Путину были неизменны: мы приветствуем любой капитал при условии, что он прозрачен и действует по правилам». («Политика», 30 окт.)

• Зависимость от российского сырья, недоверие к российскому капиталу, трудности при подписании договоров, касающихся двусторонних экономических контактов, — вот основные проблемы торгового обмена между Польшей и Россией. Вчера вице-премьер Ежи Хауснер и министр экономического

развития и торговли РФ Герман Греф подписали экономическое соглашение (...) Проблемы касаются, в частности, договора о поддержке и взаимной защите инвестиций — россияне не ратифицировали его. Из-за этого инвестиции и деятельность в России обходится польским предпринимателям значительно дороже, чем их коллегам из государств, подписавших с Россией подобные договоры, — например из Германии».
(«Жечпосполита», 3 ноября)

• «На примере Литвы (а также Латвии) хорошо видно, сколь ошибочно представление, будто членство в НАТО и ЕС автоматически защищает от любой опасности. Там, где появляются российские энергетические компании, появляется и российская политика. Рано или поздно этот союз становится весьма опасным для стран, у которых нет альтернативы российскому топливу. Примеров, подтверждающих это тезис, можно привести множество — равно как и примеров взаимодействия российских компаний со спецслужбами (...) Отсутствие серьезных анализов внутренней эволюции России и ее последствий для польских государственных интересов приводит к тому, что никто не требует от государства или ведущих партий представить ясную стратегию отношений с Россией, которая утверждает свое господство в нашем регионе». (Бартломей Сенкевич, «Тыгодник повшехный», 7 ноября)

• Януш Рейтер, председатель Центра международных отношений, бывший посол Польши в Германии: «Наши соседи за пределами Евросоюза — это государства, которые хоть и не угрожают нам в военном отношении, но порождают в нас ощущение неуверенности. Это территория повышенного риска, а направление изменений в России заставляет нас считаться с тем, что этот риск будет и дальше расти». («Жечпосполита», 5 ноября)

• «После 15 лет идиллии и спокойствия на восточном небе вновь начинают собираться черные тучи. Знакомый вид. В прошлом он всегда предвещал бурю, которая спустя какое-то время доходила и до Польши, а часто шла дальше на Запад. Пожалуй, на сей раз мы этого не ожидали (...) мы не очень-то верили в опасность возрождения этого империализма (...) Похоже, что пока возвращение к стандартам эпох царского и советского деспотизма — это независимые процессы, протекающие отдельно в каждом из трех государств. Однако направление у них общее, и — не будем питать иллюзий — эти потоки рано или поздно встретятся и потекут по одному руслу. Пора подумать о том, как бы насыпать валы, чтобы и нас не

залило, как это нередко случалось в истории». («Ньюсуик-Польша», 4 ноября)

- Крестный ход с факелами и свечами прошел вчера вечером от кафедрального собора св. Флориана к кресту памяти жертв пражской резни на Ягеллонской улице. 4 ноября 1794 г. русские войска под командованием Суворова, брошенные на подавление восстания Костюшко, заняли Прагу (правобережную часть Варшавы), после чего истребили почти 20 тыс. человек. Цветы и венки к кресту возложили, в частности, бургомистры четырех правобережных районов столицы, делегация президента Варшавы, учащиеся и харцеры (польские скауты). («Газета wyborча», 5 ноября)

- В день Поминовения Усопших краковяне зажгли тысячи лампад перед Катынским крестом на Раковицком кладбище. Хотя памятник был установлен лишь в 1995 г., жители города помнили о жертвах коммунизма всегда — и зажигали лампы. В 80-е гг. возле кладбищенской часовни даже поставили березовый крест с портретом убитого коммунистическими спецслужбами о. Ежи Попелушко и надписью: «Здесь будет сооружен памятник жертвам коммунизма». Чтобы защитить его, люди стояли в ночных дозорах. Лампады зажглись вчера и на могиле родителей Папы Иоанна Павла II. Светящийся ковер покрыл всю дорожку перед могилой. («Газета wyborча», 2 ноября)

- Познанский воеводский административный суд пришел к заключению, что президент (мэр) Познани на протяжении четырех лет незаконно запрещал комитету «Свободный Кавказ» проводить манифестации против войны в Чечне. По мнению суда, государственные чиновники не могут ставить право на собрания в зависимость от своих оценок и взглядов. Ни цель, ни факт проведения манифестаций не противоречили закону — только в этом случае их можно было бы запретить. («Газета wyborча», 25 окт.)

- Для граждан бывшего Советского Союза Польша стала перевалочным пунктом по дороге на Запад. Многие пытаются проникнуть туда нелегально. С января по апрель 2004 г. польские погранвойска задержали при нелегальном переходе немецкой границы 521 иностранца. После вступления Польши в ЕС число задержанных на западной границе выросло более чем в четыре раза — до 2189 человек. Больше всего среди них украинцев (1314), за ними идут россияне, белорусы, индийцы и молдаване. («Впрост», 17 окт.)

• Юрий Андрухович, украинский прозаик, поэт и эссеист: «Все эти годы Польша означала для меня свободу, и, где бы я ни пересекал ее границу, я сразу чувствовал себя как дома. Даже когда сами поляки утверждали, что их страна находится в глубокой заднице, я только качал головой: ой, не видели вы настоящей задницы. Потому что никто из моих соотечественников не станет спорить, что, как только мы пересекаем эту первую границу и наконец устремляемся вперед через их, чужую, польскую территорию, каждого из нас охватывает невыразимое чувство облегчения...» («Газета wyborча», 23–24 окт.)

• Как поляки относятся к своим соседям? Согласно опросу ЦИОМа, хорошими соседями 47% поляков считают Чехию, 38 — Словакию, 37 — Германию, 22 — Литву, 12 — Украину, 10 — Россию и 8% — Белоруссию. Плохими соседями 39% опрошенных считают Россию, 25 — Германию, 22 — Белоруссию, 18 — Украину, 8 — Литву, 4 — Чехию и 2% — Словакию. («Газета wyborча», 20 окт.)

• 63 медведя могут погибнуть в Словакии от охотничьих пуль. Разрешение на их отстрел выдало местное министерство охраны окружающей среды. Это 10% популяции словацких медведей. «Помогите нам остановить эту резню. Большинство польских медведей живут на границе со Словакией и часто переходят на словацкую сторону. Теперь и они оказались под угрозой. Даже потеря всего нескольких особей — для нас катастрофа», — говорит проф. Генрик Окарма из Института охраны природы ПАН. («Газета wyborча», 28 окт.)

• Общество опеки над животными известило прокуратуру о преступлении, совершенном телеканалами ТВН и «Польсат». В одной из программ телевидения ТВН была показана сцена убийства питона топором. В свою очередь «Польсат» показал, как люди едят овечьи глаза. Глаза лежали в миске, а на заднем плане были видны овцы в черных повязках — явный намек на то, что глаза вырваны у живых животных. Даже если это был телевизионный трюк, фактом остается то, что он пропагандирует жестокость. («Политика», 6 ноября)

• Проф. Томаш Стшембош (умер 16 октября с.г.), автор многочисленных и высоко ценимых книг по истории, последней из которых было вышедшее в этом году «Антисоветское партизанское движение и конспирация на Бебже. Октябрь 1939 — июнь 1941»: «Во всех обществах, в т.ч. и в Польше, существует элемент, который никто не исследует. Этот элемент — жестокость. (Исключение составляет обширная монография проф. Януша Тазбира «Жестокость в Европе Нового

времени». — В.К.) Та самая жестокость, которую можно наблюдать у детей, мучающих кошку, жестокость по отношению к старикам (...) Жестокость всегда проявляется в тех случаях, когда что-то «дозволено». Немцы позволили убивать евреев, позволили выдавать их...» («Газета польска», 20 окт.)

О ЕЗДЕ НА ВЕЛОСИПЕДЕ, или «К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА»

...Если бы Россия (рассуждает автор) сумела преодолеть свою традиционную "слоновую болезнь", то есть склонность к экспансии вовне (постоянно больше земли и властвования) и направить всю энергию внутрь, заменить экспансивные усилия интенсивными – тогда "сожительство с Россией" сложилось бы в соответствии с нормами как этики, так и здравого разума. Начиная с последней войны по-настоящему современные государства прекратили рвать друг у друга территории, сконцентрировались на внутреннем развитии, на консолидации общества, демократии, торговли, мышления и культуры. Такова уже долгое время этика цивилизации и стиль политики, а каждое отступление от этой линии вызывает международные протесты. Принимая во внимание огромный российский потенциал, можно считать, что если бы Россия приняла такую посылку и проводила ее в политическую практику, результаты оказались бы благотворны для всего этого региона Европы, а также для международных дел в целом. Наконец, это оказало бы спасительное влияние на общество и государство в самой России. Российское общество сразу обрело бы возможность – в существенном и исключительно ценностном смысле – равняться с США и конкурировать с ними на неограниченном пространстве ценностей цивилизации.

Такую мысль я прочитываю в сборнике статей Ежи Помяновского "К востоку от Запада. Как быть с Россией?". В книгу вошли статьи не только на чисто политические темы – ее венчает "История, спущенная с цепи", большой очерк о Бабеле, о феномене его писательства и его судьбе. Но громче всего звучит в этом концерте струна политики. Не в каком-то усложненном дипломатическом представлении, упаси Боже, но как интересная, однако опасная стихия, сопутствующая мыслящему человеку.

К несчастью, те, кто руководил российской политикой, не умели или не хотели заметить возможного поворота своей философии поведения, не решились переставить сцепление.

Читатели книги разделяют ее скромный вывод: пусть в области контактов Польши с Россией воцарится попросту нормальность – всего лишь. Когда по телевидению смотришь сцены с

московских кортов, когда Ельцин со всей непосредственностью обнимает отличную теннисистку Мыскину, ощущаешь обычное удовольствие. Слишком долго с той стороны веяло холодом и опасностью, и в этом контексте обычность приобретает вид идеала. "Как быть с Россией?" – программа минималистская, но в высшей степени достаточная. Практические посылки – как это осуществить – тоже остаются на этом доступном для всех уровне.

Первый принцип: исключить из взаимоотношений невежество. Исключить незнание вещей, людей и дел, грозящее непредсказуемыми результатами. Поддерживать с Россией и русскими живые контакты – старый стратегический и тактический принцип, испытанный в боевых условиях. Мы вместе с автором далеки от уговоров занять какую-то бойцовскую позицию – как раз наоборот. Да только в мирной международной инженерии точно так же, как в битве, нельзя позволить себе не знать, не распознавать партнера, потенциального партнера. Прежде всего и в первую очередь надо знать. С кем и с чем имеешь дело.

Простая идея, не слишком легкая при воплощении в жизнь, как можно было бы вывести из ее простой формулировки, органически вписана в долголетнюю публицистику автора книги – писателя, переводчика прозы и поэзии, человека всесторонне компетентного. Помяновский сразу, в самом начале, ссылается на Ежи Гедройца, считая его своим учителем. Редактор "Культуры" отождествлял понятие культуры с понятием политики и это осмотическое орудие пускал в ход с огромным успехом в своих боях, продолжавшихся полвека с лишним. Из подсказки Гедройца выросла "Новая Польша", где вы читаете мою рецензию. Интерес вызывает не только смысл, но и тон публицистики Помяновского: страстное, ибо идущее от самой глубины его убеждений, содержание автор облачает в сдержанность и хладнокровие, нередко приправленные иронией. Ведущий мотив этой публицистики – разум, и это не пустое наблюдение, ибо далеко не все хотят и умеют пользоваться этим органом. Как остроумна, например, концовка коротенькой полемики (сентябрь 2001) с Александром Бохенским, публицистом "Пакса", который сразу после войны исповедовал мнение о том, что у Польши нет иной формы бытия, кроме как отдаться под протекторат Советского Союза. Этот тезис Бохенский защищал в своей "Истории глупости в Польше". "Заглавие, – замечает Помяновский, – увлекательное, хотя смысл книги позволяет в конце концов признать ее доказательством того, что эта история продолжается".

Как написать о книге, тематику которой сам автор знает куда лучше пишущего этот комментарий? И еще одна трудность, параллельная предыдущей. Как писать о книге, с тезисами которой и словесным мастерством их подачи невозможно не согласиться? Увы критику, но все это вызывает у него полнейшее удовлетворение. А у читателя от такого сближения возникает подозрение в кумовстве. "Ну и что поделаешь?" – как говорил генерал Люциан Желиговский в трудные минуты. Попробуем перевести эти общие идеи автора и критика на наш собственный язык.

Еще раз *ab ovo*. Насколько я ориентируюсь, Помяновский – единственный в Польше публицист, который всеми средствами своего разума и писательского мастерства стремится обосновать мысль о том, что между Польшей и Россией нельзя создавать зону недоверия, а если другая сторона не отвечает доверием, то и в таком случае нельзя воскликнуть: "А что мы говорили?!" – и под этим предлогом раздувать воздушный шар обиды. Помяновский безмерно требователен к польскому обществу, ожидает от него мудрости и терпения. Он как будто уговаривает: "Вне зависимости от стиля поведения России мы обязаны продолжать возиться с этим вопросом и складывающиеся обстоятельства по возможности улучшать". Это будет (объясняет Помяновский) не уступкой и поклоном, а, наоборот, пуском в ход всех имеющихся в голове пружин ума. При этом автор не питает иллюзий, зная, что предлагаемое партнерство с Россией – дело трудное и временами напоминает задачу скрутить бич из песка, которую черт задал пану Твардовскому в корчме "Рим".

Редактируемая Помяновским "Новая Польша" обращена к процентно небольшой группе русских. К слою, который только на двух языках, по-русски и по-польски, называется интеллигенцией. Автор пишет: "Самое тяжелое наследие коммунизма – покорность русской интеллигенции перед лицом власти". Но не только это: другой груз, деформирующий этот слой, – "унаследованные от большевиков имперские поползновения, зачастую открыто декларируемые". Большевики "гильотинировали" народ, отрубив ему голову, мозг и дух – русскую интеллигенцию. В действиях обоих отцов революции, Ленина и Сталина, это было не случайно взятой на себя задачей, наоборот: в полном сознании они делали "благочестивое" дело. Вдохновением им служила царская Россия, и в этом случае наблюдается поразительная непрерывность некоторых линий – наряду с отношением к соседям. Николай I (на внутренней стороне обложки воспроизведен рисунок Гюстава Доре из его знаменитого

русского цикла: царь, глядящий на Европу в подзорную трубу) вызвал к себе графа Бенкендорфа, начальника Третьего отделения. Бенкендорф собирался в Германию, и император предложил ему побывать в Нюрнберге и наплевать в "медный лоб" памятнику Гутенберга. Хотелось бы крикнуть: "Роскошный анекдот!" – да только это анекдот страшный. Все мы, считающие чтение образом жизни, представив себе эту сцену, обольемся холодным потом. "Само чтение книг, – отмечает Помяновский, – это попытка показать себе, что в жизни можно искать как красоту, так и смысл". И дальше: "К счастью, большевикам не удался эксперимент по превращению интеллигенции в замкнутый круг узких специалистов. Они не сумели вырезать у этого слоя „железу гуманизма". Это такой орган, может быть невидимый, без которого невозможно быть интеллигентом. В соревновании двух инженеров как правило выигрывает тот, кто кроме алгоритмов знает еще Горация и Словацкого. Удаление этой железы приводит к утрате воображения, без которого можно выполнять планы, но не обдумывать их. (...) Только высокая культура несет груз традиций". Помяновский добавляет: "Удивительно, но людей, которых единожды научили ездить на велосипеде или читать, невозможно от этого отучить". Мне очень по сердцу эта аллегория. Свыше тридцати лет я писал в каждый номер журнала "Новые книги" ("Новые книги") фельетон под рубрикой "Навык чтения".

Не сумею охватить – да, пожалуй, и не об этом речь – всю материю этой книги, где под одной обложкой собрано 25 статей за последние, если не ошибаюсь, семь лет. Это раскидистое древо познания добра и зла выросло на меже, разделяющей Россию и Польшу. Помяновский уже очень давно неуклонно занимается дисциплиной, которую сам преподает и которую можно попросту назвать "Россия и Польша" – или "Польша и Россия". Он пашет свой бугор против ветра. Ветра плоских суждений или просто недоброй воли. Аллегорически я представляю себе Ежи Помяновского в виде одинокого человека со шкафом: с многостворчатым гданьским шкафом на плечах он карабкается вверх по горному обрыву.

Ибо нет никакой идиллии в развитии отношений между двумя обществами – дело идет с препятствиями, по ухабам. "Каждую деталь нашей истории каждая из сторон симметрично толкует по-своему, даже когда речь идет о таких очевидных фактах, как разделы, восстания, война 1920 года и даже Катынь". Несмотря на то, что уже исчезли причины "вековой борьбы между Россией и Польшей, Россия относится к нам холодно, невыгодный для Польши торговый баланс мы доплачиваем на

сумму в среднем 3,5 млн. долларов в год, все польские жалобы считаются проявлениями русофобии".

Несмотря на все это – и вот центр тяжести его рассуждений! – Помяновский считает, что эти отношения нужно изменить к выгоде обеих сторон, иначе в этом чувствительном месте Европы грозит вырисовывающийся коллапс. Он не извлекает, как кролика из цилиндра, каких-то волшебных средств к этому. То, что он предлагает, – это постоянно, до упора продолжать попытки контактов, что когда-нибудь (в каждой публицистике высокого полета должна быть примесь веры) непременно преобразится в нормальный разговор. А начать надо, и это понятно, с составления протокола о расхождении. С этого надо начать.

"К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА"

Так назвал свою книгу профессор Ежи Помяновский и добавил подзаголовок: "Как быть с Россией?" Это один из "проклятых вопросов", порожденных политической историей и географическим соседством двух братьев во славянстве, которые до сих пор не могут по-братски понять друг друга. Причем в первую очередь речь может идти не столько о народах, сколько об институтах власти: они решают вопросы войны и мира, манипулируя массовым сознанием для утверждения собственного благоденствия, а не реализации изначальных ценностей общей цивилизации, восходящей к христианству. Идеология, подменяя объединяющую народы цивилизационную универсальность целесообразностью государственной локальности, тем самым возводит преграды, которые не только разъединяют народы, но и дробят цельное мироощущение цивилизационно первоначальной христианской общности на мозаичность отдельных этнических составляющих. Отсюда берут начало стереотипы восприятия другого государства и народа сквозь призму только своих представлений и только собственных потребностей и интересов. Это до сих пор обуславливает русское восприятие польскости и *vice versa*.

Идеологичность искажает самое перспективу восприятия фактов, не говоря уже о степени объективности их понимания. Потому-то вместо романтических мифов о славянском единстве, которому якобы изменила Польша, вместо стародавнего концепта исключительной роли России, которую "коварные ляхи" не хотят признать, – вместо всего, что создавалось имперской идеологией прошлых веков и порой до сих пор в силу отсутствия свежих идей (свидетельство инертности мышления политического класса) культивируется искусственно, поддерживая старые стереотипы, не пора ли рационально обратиться к реальности прошлой и нынешней? На пороге нового тысячелетия это тем более необходимо: прежде всего чтобы выйти из того одиночества, в которое официальная Россия в очередной раз себя вовлекла, при этом в очередной раз создавая образ врага для оправдания несостоятельности собственной идеологии и просчетов собственной политики.

В контексте истории нашего континента русско-польское соседство осложнялось закономерностями универсальными (общеевропейскими) и локальными (сугубо местного свойства). К первым относится внутрицивилизационная дифференциация на латинский Запад (в который вместе с поляками вошло все западное славянство и часть южного) и византийский Восток (куда наряду с болгарами и сербами вошла Русь). Это наложило специфический отпечаток на особенности национальных культур и сам национальный склад ума, равно как и преимущественную направленность конфессиональной, политической, хозяйственно-экономической, художественной ориентации соответственно на романо-германскую и греко-византийскую составляющие общехристианской цивилизации. Если же речь идет о локальных закономерностях, то особую роль в русско-польском взаимонепонимании сыграл тип государственности - самодержавная деспотия в России и шляхетская демократия в Польше. Две системы формировали два совершенно разных вида представлений о личности и обществе, институтах власти и политической культуре. К концу XVIII в. эволюционировавшая в ходе реформ демократия Речи Посполитой на фоне французской революции воспринималась абсолютистскими соседями - Австрией, Пруссией и Россией - как составляющая "французской заразы", что в конечном счете повлекло за собой ликвидацию ими польской государственности.

На захваченных территориях российская власть правила, не считаясь с образом мыслей, политической культурой, историческими традициями и самим укладом жизни поляков. Это непрестанно вело к углублению национального размежевания, непрекращающейся конспирации, череде восстаний, а завершилось восстановлением польской государственности в 1918 году.

Большевистский тоталитаризм, беспощадный к народонаселению собственной страны, трижды пытался покорить поляков - в проигранной войне 1920 г., в совместном с нацистской Германией захвате страны в 1939 г., в насильственном установлении марионеточного режима в ходе II Мировой войны и после ее завершения. Тем самым на историческую память поляков о прошлом накладывалась череда современных трагедий - от сентябрьской агрессии 1939 г., Катыни, массовых депортаций 1939-1941 гг., отказа от помощи восставшей против немцев Варшаве, жертв массовых преследований в ходе установления тоталитарной власти с помощью горстки местных коммунистов до последующих

времен деформации национального бытия в подневольной системе "реального социализма", контролируемой и регулируемой из Москвы. Вся эта сумма исторического опыта сформировала специфический "польский комплекс" в восприятии восточного соседа. Причем традиционное имперское отношение правящей советской элиты к "польским товарищам" не могло не сказаться на вынужденно скрываемом до поры до времени также и их отношении к России. Вступление суверенной Польши в НАТО и Евросоюз в период нахождения у власти экс-коммунистов – ярчайшее этому свидетельство.

Распространенные у нас суждения о "польской измене" и "польском коварстве" – следствие непонимания далекого и недавнего прошлого. Режим "реального социализма" в Польше (как и в других "соцстранах") держался на советских штыках. "Московские товарищи" пренебрегли максимой Наполеона: штыками можно завоевывать, но править, сидя на штыках, невозможно. С вынужденным уходом "советского брата" рухнул установленный им "братский режим". Вступление Польши в НАТО и ЕС было не только естественным стремлением освободиться от исторически сложившегося комплекса страха перед "Востоком" благодаря обретению коллективной защиты Запада от посягательств на свою суверенность, культуру, образ жизни и само национальное достоинство, но и возвращением в исторически свой круг западной культуры (не говоря уже об открывающихся возможностях выхода из хозяйственно-экономического тупика, в котором оказался весь соцлагерь).

На наших глазах происходит эпохальное преобразование Европы. За европейскими пределами России почти не осталось "одиноких" стран, которые могут безнаказанно подвергнуться жесткому подчинению, не говоря уже о прямой агрессии. Перед лицом объединенной Европы традиционная для некогда деспотических и могучих России и СССР великодержавная политика силовых решений утратила свои реальные основания, а с ними и сам внутренний смысл. В радикально изменившемся мире результативной может быть только политика как искусство достижения поставленных целей путем компромиссов. А она возможна только при условии не просто знания, но понимания государственных интересов других стран, что достигается посредством постижения и учета их культурно-исторической специфики и уважения к их национальному достоинству.

С таких позиций в отношении России и русских и написана книга Ежи Помяновского, в которую вошли политические статьи, полемические выступления на темы истории, культуры, геополитики, интервью, где глубоко затрагиваются проблемы русско-польского прошлого и актуальные события, историософия и современная политическая практика, а в заключение, как бы особняком, стоит великолепное эссе о Бабеле – блестящий образец литературоведческой эрудиции автора и свойственного ему искрометного стиля.

Книга посвящена памяти Ежи Гедройца. Это знаменательно, ибо отражает не только глубокое уважение и сердечную привязанность, но и позицию автора, который начинает свою книгу тремя статьями, позволяющими читателю увидеть образ, воззрения и деятельность этой теперь уже исторической личности. Родившийся в Минске, Ежи Гедройц хорошо знал Россию, глубоко уважал русскую культуру и имел верных русских друзей. И весьма символичен для внутреннего настроения души этого поляка тот факт, что его отпевание согласно завещанию состоялось в католическом и православном храмах Парижа.

В силу такого рода интеллектуальной "родословной" книга Помяновского представляет особый интерес не только для поляков. Она способствует также восприятию русскими польского понимания России – причем, что особенно важно, понимания, присущего тем представителям польской интеллектуальной элиты, которые стремятся преодолеть тяжелое наследие нашего совместного прошлого. Взламывая старые стереотипы, преодолевая устоявшиеся предубеждения, они, в отличие от своих оппонентов, глядят не вспять. Объективно рассматривая минувшее, они делают вытекающие из него выводы для нормализации польско-русского настоящего и потому с надеждой смотрят вперед. Причем случай Помяновского здесь особый. Один из крупнейших представителей зарубежной русистики, талантливый переводчик Л.Н.Толстого, А.П.Чехова, Е.Шварца, И.Бабея, первый, кто перевел на польский "Архипелаг ГУЛАГ" А.Солженицына, переводил А.Сахарова и М.Геллера, он познал Россию изнутри, подобно таким знаменитым поборникам культурно-гражданственного сближения поляков и русских, как Мицкевич, Спасович, Здеховский, Ледницкий, Дравич, Ворошильский, Валицкий.

Начинающий публицист социалистических изданий, раненный солдат сентябрьской кампании 1939 г., Помяновский оказался в СССР. Работал на шахтах Донбасса, окончил

московский мединститут, а после войны, вернувшись на родину, уже вскоре выбрал литературу, театр и преподавание в Варшавском университете. С 1969 г. он продолжил преподавательскую и литературную деятельность в Италии, установил связь с кругом выходящего в Париже эмигрантского журнала "Культура", основателем и главным редактором которого был Ежи Гедройц. Он-то впоследствии и убедил Помяновского создать в 1999 г. "Новую Польшу" – как мост встречи гражданского общества России и Польши, платформу диалога польской и российской интеллигенции.

Выбор Е.Гедройца – этого, пожалуй, самого выдающегося представителя той части послевоенной польской эмиграции, которая была открыта к Европе, лишена националистической замкнутости и политической оголтелости, – его интуиция и знание людей не подвели и на сей раз. Глубокое понимание Помяновским русской истории, внутренних контрастов русской жизни, а отсюда и противоречивых сложностей самой русскости, его знание русской культуры и душевная увлеченность русской словесностью – все это нашло отражение в его творчестве и наложило отпечаток на облик руководимого им журнала. Знакомя русских с Польшей, а поляков с Россией, Помяновский продолжает то течение польской мысли, которая противостояла русофобии, различая СССР и российское общество, не отождествляя подданных режима с самим режимом, жертвами которого были не только поляки, но и сами русские. Помяновский терпеливо и последовательно предлагает полякам и русским совместный путь установления взаимопонимания, что резко отличает его от надрывных взываний по ту и другую сторону границы к очередному утверждению идеологической "правоты" и твердокаменной "незыблемости" очередных "национальных идей", творимых очередными – как их некогда нарек Аксаков – "квасными патриотами".

Для Помяновского как Россия, так и Польша – составные части Европы, обладающие подобно всем другим народам нашей общей цивилизации собственным национально-историческим своеобразием. Задача же на сегодня состоит в том, чтобы, учитывая это и извлекая уроки из совместного прошлого, сделать выводы для выработки общей позиции в налаживании равноправных отношений в настоящем. И решать должны отнюдь не только политики. В условиях демократии возможен, а для поиска точек соприкосновения просто необходим открытый диалог гражданского общества России и гражданского общества Польши – диалог, преодолевающий традиционную мифологию, давние идеологические схемы и

сложившиеся в их кругу стереотипы. А куда все это заводит, Помяновский показывает на фактах давней и недавней истории. При этом, последовательно сохраняя объективность, он нелицеприятен по отношению к националистическим комплексам своих земляков и весьма критичен в характеристике живучих стереотипов польского восприятия России и русских. Спокойно и взвешенно анализируя драматические, а нередко столь трагические для поляков последствия политического мышления и силовых решений российского и советского режимов, автор при рассмотрении определенных внутripольских ситуаций и внутripольских разграничений от времен прошлых до нынешних горько констатирует: "Не из России исходит наибольшая опасность для Польши... Опаснее всего для Польши сами поляки".

Исходный пункт размышлений автора и историческая основа его выводов и оценок – это разработанная в первые послевоенные годы Гедройцем при участии Юлиуша Мерошевского концепция, которую в жесточайших спорах с преобладающей частью польской политэмиграции отстаивали также Юзеф Чапский, Густав Герлинг-Грудзинский, Константы Еленский, Ежи Стемповский. Их непримиримые оппоненты рассуждали в традиционных категориях польской политической мысли, сущность которой Гедройц заключил в афоризме: "Польшей правят два гроба – Пилсудского и Дмовского". Согласно же концепции самого Гедройца, в обозримом будущем неизбежен распад СССР как последней империи – государственной системы, изжившей себя исторически. Возникновение к востоку от нынешней Польши суверенных государств – России, Украины, Белоруссии и Литвы – должно быть осмыслено поляками в свете современных исторических реалий. А это означает, что Польша должна отказаться от претензий на земли, некогда входившие в состав Речи Посполитой, что и служило источником конфликтов с Россией вплоть до ликвидации польской государственности в XVIII в., а в XX-м – острейших антагонизмов и кровавых столкновений не только с СССР, но и с уже сложившимися литовской, украинской и белорусской нациями. Безоговорочно признав исторические права на этнические земли и государственный суверенитет этих народов, Польша тем самым обретет дружественных соседей не только в их лице, но и в лице России, ибо исчезает сам предмет исторического соперничества. Отношения Польши с новыми государствами должны строиться на основах абсолютного равенства. Нарушение же достигаемого равновесия создает опасность если не возобновления гегемонии (в особенности со стороны обладающей наибольшим потенциалом России), то ослабления

суверенности, возникновения экономической, а отсюда и политической зависимости.

Анализируя положение дел после того, как футурологический прогноз Гедройца-Мерошевского полностью оправдался, Помяновский подвергает нелицеприятной критике польский политический класс за пренебрежение этими идеями, за отсутствие продуманной восточной политики. Только в лице Александра Квасневского, Бронислава Геремека и Владислава Бартошевского он видит тех, кто в меру своих сил и возможностей стремится наводить мосты "к востоку от Запада" и осознаёт, что натовский "зонтик" и вступление в ЕС – отнюдь не альфа и омега локализации политико-экономических интересов Польши и самого вектора польской активности в Европе, частью которой остается Россия и некоторые бывшие республики СССР. При этом, по мнению Помяновского, восточная политика должна быть для Польши не только внешним, но и внутренним фактором (имеется в виду преодоление устаревших стереотипов и фобий в отношении восточных соседей). Здесь понимающий, знающий и любящий русскую культуру автор бросает перчатку доморощенным "патриотическим жандармам". Его стремление открыть глаза на Россию – былую и нынешнюю – проявляется не только в спорах с зашоренными земляками. В этом отношении особо привлекательны обширные материалы полемики с Р.Пайпсом. "Детерминизму" американского ученого, который видит будущее России и русских в системе полицейского государства, Помяновский, трезво оценивающий соотношение сил в российском прошлом и настоящем, противопоставляет образ будущего России в реализации ею идей демократии.

Написанное ярко, темпераментно и остроумно, а при этом в полном соответствии с заповедью Тацита "без гнева и пристрастия", это непредвзятое осмысление туго затянутого историей узла русско-польских отношений отражает наметившееся в наши дни общее стремление польских и российских ученых к тому, чтобы терпеливо его распутать, а не рубить. Рубили плеча политики и полководцы, да только что из этого вышло?

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЧАСТНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Продолжение документальных записок

Начальником Смоленского управления КГБ был генерал-майор А.И.Шиверских (уволен в отставку в 1992 г.) Он занял эту должность благодаря всемогущему покровителю — генерал-полковнику Агееву (зам. председателя КГБ СССР), они оба раньше служили в Иркутске. Шиверских был довольно серым, бесцветным чиновником (но в то же время самоуверенным и чванливым), а всех осмелившихся на критику называл демагогами. Сам генерал страдал косноязычием, разговаривая проглатывал слова, как будто не говорил, а жевал жвачку. Если бы не «мохнатая лапа» в Москве, он вряд ли дослужился бы даже до подполковника. Такие люди и делали карьеру в КГБ и партии — те, кто действовал по принципу «служить бы рад, прислуживаться — тоже».

За свои критические выступления и требования ликвидировать дачный поселок сотрудников КГБ в Катynie (на костях расстрелянных жертв репрессий, в том числе и польских офицеров) я очень быстро оказался в дежурной службе УКГБ, на самой низкой должности. Эту службу называли «кладбищем чекистов», следующим этапом карьеры была улица.

«Олег, не лезь ты на рожон, — говорил мне сослуживец по дежурной службе Григорьев, — увидишь еще, что эта перестройка кончится диктатурой». При этом он делал ссылки на исторические примеры.

«Перестройка кончится перестрелкой», — пошутил электрик УКГБ Владимиров и, как оказалось позже, был прав.

Примерно в это время я заметил небывалый интерес некоторых руководящих сотрудников УКГБ к охоте: вдруг все стали охотниками, но покупали не двустволки-дробовики, а прямо с Тульского завода заказывали себе многозарядные карабины с нарезным стволом (на всякий случай). Сам я питал надежду, что хуже, чем есть, уже не будет. Шла тревожная весна 1989 года, время надежд и горьких разочарований. Русские (и не только) начали массово выезжать из южных республик в Российскую Федерацию. Запахло «жареным», прилавки

магазинов катастрофически опустели, появились талоны на продукты и все прочее. Как особый и дурной знак люди восприняли исчезновение в магазинах мыла и стирального порошка. Началась тихая паника. Квартиры многих людей стали превращаться в продовольственные склады — мешки с мукой, соль, спички и т.п., как на случай войны или конца света. Разгорался все сильнее армяно-азербайджанский конфликт... Руководящий состав КГБ проклинал Горбачева, но небольшая часть молодых сотрудников связала свои надежды с перестройкой — чуть позже этих последних быстро поувольняли, просто выкинули как щенят. Генерал Шиверских стал теперь тщательнее подбирать слова: вместо шельмования «антисоветских проявлений» он мягко замечал о «потере политической ориентации у части сотрудников КГБ», имея в виду меня и подобных мне. КГБ ждал своего часа... И сейчас, надо честно признать, дождался. Партия еще была руководящей, свирепствовали парткомы.

Завалив меня с головой срочной работой в архиве, Шиверских рассчитывал, что времени и сил на «демагогию» у меня не останется. Так внешне и выглядело. Я скрипел авторучкой с удвоенной скоростью, делая помимо основной работы свой список пострадавших для будущего (как я мечтал) музея репрессированных и для книги памяти. На мои требования предать гласности списки репрессированных путем публикации в областной газете КГБ не реагировало (только через несколько лет они начали публикации списков реабилитированных). Удлиняя свой печальный список пострадавших, я записывал краткие сведения, номера дел и, как сказано у О.Мандельштама, «мертвецов голоса».

Дело №1422(с) на Ефремова Якова Васильевича, 1879 г.р., деревня Раевка Монастыршенского района Смоленской обл., осужден тройкой НКВД по ст.58 10 05.10.1937 на 8 лет ИТЛ, говорил: «...не Николай II был кровавый, а Сталин... обобрали до нитки, еще на заем заставляют записываться (заем на оборону страны), оборонять нечего, лишь бы от Сталина избавиться. Расстреливают тех, кто хотел для крестьян лучшей жизни...»

Дело №15068 на Титова И.А., 1906 г.р., и Кабанова П.А., 1898 г.р., из деревни Забежинка Батурицкого района Западной [позднее Смоленской] области, 01.09.1931 тройка ОГПУ Зап. области по ст.58 8 10 осудила обоих на 10 лет концлагерей. Кабанова обвиняли в частности за следующие слова: «Колхозы — это разорение и гибель крестьянства... Обижались на прежнюю власть, что была плоха, а советская власть плоше в несколько

раз, раньше все было и все сыты были, а сейчас нет ничего, все голодные и босые...»

Единицы из доживших до второй реабилитации присылали в адрес УКГБ письма — например, Пантелеев Ф.А., 1916 г.р., дело №21503(с), ст.58 9 10, осужден тройкой НКВД 30.09.1937 на 10 лет лагерей. Вот несколько строк из его письма:

«...какие только пытки против меня не применялись — и избивали на допросах и заставляли стоять... вынужден был подписать, чтобы не умереть с голоду... направили на каторжные работы в Ивдельлаг... (на станции Сомы в 60 км от Ивделя выгрузили)... выпрыгивали из вагонов, нас ставили на колени (в снег). Потом подъехал верхом начальник Сомского отделения Мотаксапула и заставил всех стоящих на коленях сказать следующее: „МЫ ВРАГИ НАРОДА, НАС ПРИВЕЗЛИ СЮДА ИСКУПИТЬ СВОЮ ВИНУ перед Родиной и лично перед товарищем Сталиным“. Пока это не сказали, конвой не разрешал вставать на ноги, но холод заставил кричать эти слова. Выступил Мотаксапула: „Мы должны за зиму построить дорогу до Ивделя — шпал не хватит, ЛЮДЕЙ ПОЛОЖИМ, но дорогу построим“. И действительно людей положили больше, чем шпал, умирали от голода и холода, но дорогу строили... на строительстве дороги погибли... сотни тысяч людей, которых хоронили прямо в тайге... об их кончине не было сообщено родным. Освободился в 1947 г.

Находился 10 лет в произволе и беззаконии. Те, кто издевался над людьми, ушли на льготные пенсии, а мы (обиженные) никакими льготами не пользуемся. В Костромской области живут Топоров Александр и Фролов Александр Андреевич — эсэсовцы, которые издевались над людьми (заключенными)... Как надо мной ни издевались, как ни обижали, я все пережил... живу на скромной пенсии с подорванным здоровьем...»

Вопреки утверждениям ярых сталинистов об энтузиазме 30 х годов, документы говорят об обратном. Поражает меткая характеристика преступной власти:

«Советская власть — это кучка сволочей и бандитов, которые исковеркали всю человеческую жизнь в нашей стране. Все самые лучшие люди арестованы и томятся в тюрьме, а самая сволочь заправляет страной» — дело №11985 на Паршину П.И., 1882 г.р., ст.58 6 10, расстреляна 17.10.1937.

Народ не обманешь, он видел эту власть «в гробу», видел преступность этой власти, народ не был глупым стадом. Поэтому мне частенько попадались в архивных делах слова:

«Это не власть, а банда». Энкавэдэшники не щадили людей с солидным возрастом, так был осужден Давыдов Г.Г., аж 1844 года рождения! Сталин поставил себе за цель уничтожить как можно больше людей, помнивших лучшие (дореволюционные) годы. Правда, советская власть и к детям не знала пощады, их направляли в колонии и высылали в Сибирь как ЧСИР (член семьи изменника родины). Например, 13 летний Валерий Вихорев (из детдома) за «измену родине» был направлен в детскую колонию.

В НКВД была создана (вернее сфабрикована) ПОВ («Польская организация войсковая»), которой на самом деле не существовало. Большинство польского населения западной части СССР было репрессировано якобы за принадлежность к ПОВ. Людей просто арестовывали по данным адресных бюро, которым поручалось представить списки граждан с национальностью «поляк». Затем под пытками добивались показаний под заранее составленные, вымышленные протоколы допросов.

Из архивных дел было видно, что репрессиям нещадно подвергались священники (католики, православные, лютеране и т.д.). Например, по делу на лютеранского священника Швальбе Густава Анцевича, 1880 г.р., арестованного 06.11.1929 ОГПУ области, было репрессировано 111 человек, а 24 — расстреляны (в основном это были латыши).

Пока руководство управления КГБ опомнилось и мне запретили работать в архиве, я успел просмотреть около 130 дел на сотни пострадавших. Кроме списка репрессированных я еще составил список работавших в то время энкавэdistов Смоленска и области.

В Смоленске в те времена проживало более двух тысяч поляков, а по всей области — значительно больше. Сколько их осталось после репрессий, можно только догадываться (точных данных на этот счет я не нашел).

Как я ни старался найти в архиве Смоленского УКГБ хоть какой-нибудь след катынского расстрела польских офицеров в 1940 г., кроме упоминания в одном деле об аресте жителя Катыни за излишнюю болтливость — ничего не было. Естественно, его арестовали за то, что он говорил правду: что расстреляли не немцы, а наши — НКВД. Видимо после войны архив тщательно «просеяли», а все касающееся Катыни было изъято (скорее всего забрано в Москву, в архив НКВД СССР).

Таким образом — будучи заподозренным или из-за осторожности генерала КГБ Шиверских, как бы чего не вышло, — я снова оказался в дежурной службе УКГБ, у меня теперь было много времени, и это было мне на руку. Поразмыслив, я решил (не найдя документов по Катыни) искать живых свидетелей — пенсионеров-сотрудников НКВД, работавших в Смоленске в 1940 году. «Документ, бумагу можно сжечь, а самое ценное — это свидетели во плоти (при любом следствии)», — размышлял я. Помог мне один случай на дежурстве. Был глубокий вечер, большинство сотрудников КГБ разошлось по домами. Ушел, наконец, и генерал, телефонные звонки замолкли, я немножко расслабился от дневной суеты. В этот момент загудел наш городской телефон: кому-то неймется, подумал я, поднимая трубку. В трубке послышался взволнованный голос какой-то старушки, которая просила немедленно «связать» ее с заместителем начальника Смоленского УКГБ полковником Головки. Я ответил, что Головки только что ушел домой.

— Срочно позвоните ему домой, — потребовал старушечий голос.

— Хорошо, — сказал я, — но что мне ему передать и кто вы? Ваша фамилия?

— Передайте ему, что мужчина из Москвы расспрашивал жителей Козьих Гор о польских офицерах, — и добавила: — Кто звонит, он знает.

При этих словах я сразу насторожился, сонливость сняло как рукой, я лихорадочно соображал, как бы затянуть разговор подольше.

— Что конкретно спрашивал этот человек из Москвы и у кого? — спросил я.

— Москвич спрашивал, кто расстрелял польских офицеров, он у меня спрашивал, — ответила женщина.

— Что вы на это ему ответили? — сгорая от нетерпения, спросил я доносительницу.

— Ответила то, что мне положено отвечать, — уклончиво сказала она.

Такой ее ответ меня совершенно не устраивал, и я спросил, а что положено отвечать в таких случаях.

— Ответила как надо, что расстреляли польских офицеров немцы.

Я чуть было ее не спросил, а кто расстрелял их на самом деле...

Чтобы не вызвать ее подозрений, я сказал:

— В общем вы ответили как надо, а вашу информацию я сейчас передам Головки, и он с вами свяжется.

Набирая номер телефона Головки, я надеялся, что, может, и этот мне скажет больше, чем положено. Так я начал раскручивать клубок «тайны Кремля №1» (как будут позже писать газеты).

Продолжение следует

Станислав Балинский

ВАРШАВСКАЯ КОЛЯДА 1939 года

Не дай нам, Матерь, Христа рождения
Праздничный час.

И да не видят глаза Спасения,
Как мучат нас.

Пусть Бог родится, о, Пресвятая,
Средь звезд иных —

Не здесь, не в самом печальном крае
Из всех земных.

Здесь в нашем граде, что ты любила
От давних дней, —

Растут кресты лишь, растут могилы
В крови своей.

И под шрапнелью все наши дети,
С свинцом в груди.

Молись, Мария, за муки эти,
Не приходи.

А если хочешь родить средь теней
Варшавских мест,

То сразу сына после рожденья
Пошли на крест.

Станислав Балинский (1898–1984), поэт, связанный с группой «Скамандр», но предпочитавший иную поэтику. Проявлял сильную склонность к классицизму. До начала II Мировой войны публиковался мало. Будучи с 1922 г. дипломатом и находясь в основном за границей, редко бывал на родине. С сентября 1939 г. до конца жизни был эмигрантом, жил в Лондоне. Стихотворение «Варшавская коляда 1939 года» было опубликовано в сборнике «Большое путешествие» (1941).

В 1942 г. в Ташкенте Анна Ахматова встретила с Юзефом Чапским. Одной из тем их разговоров было планировавшееся издание антологии польской поэзии по-русски, и Ахматова взялась за переводы. Книга эта была готова, но так никогда и не вышла. Машинопись антологии нашел Евгений Ефимов, который опубликовал перевод «Варшавской коляды» в журнале «Знамя» (1998, №7). Перепечатывая ее, мы надеемся, что в недалеком будущем вся антология будет напечатана.

Тадеуш Ружевич

СТИХИ

Последний разговор

вместо ответа
на мой вопрос
ты приложил палец к губам
сказал Ежи
знак ли это того
что не хочешь
что не можешь ответить
это и есть мой ответ
на твой вопрос
«в чем смысл жизни
если должен я умереть?»
прижав палец к устам
мысленно отвечал я тебе
«жизнь имеет смысл потому лишь
что мы должны умирать»
жизнь вечная
жизнь без конца
есть бытие без смысла
свет без тени
эхо без голоса
* * *

Достоевский говорил

что если б велели ему выбирать
между истиной и Иисусом
он выбрал бы Иисуса
на пути к завершению
начинаю понимать
Достоевского
рождение жизнь смерть
воскресение Иисуса
грандиозный скандал
во вселенной
без Иисуса
наша маленькая земля
лишена веса
этот Человек
сын божий
если и умер
воскресает
каждый день
в каждом
кто следует за ним

Збигнев Херберт

СТИХИ

Ответ

Ночь будет и глубокий снег
тот что шаги приглушит мягко
и тень что очертанья тел
преобразит в две лужи мрака
лежим дыханье затаив
и даже легкий шорох мысли
если не выследят нас волки
и человек в огромной шубе
грозящий скорострельной смертью
надо рвануться и бежать
под залпы как аплодисменты
на тот чужой желанный берег
земля везде одна и та же
как учит мудрость люди всюду
такими же слезами плачут
качают матери детей
луна восходит
и белый дом возводит нам
ночь будет после трудной яви
конспиративная мечта
как хлеба вкус как легкость водки
но выбор оставаться здесь

лишь подтверждает сон о пальмах
сон вдруг прервет приход троих
тех из резины и железа
прочтут твой документ твой страх
прикажут выйти и спуститься
взять не позволят ничего
лишь взгляд привратника печальный
Эллада Рим средневековье
край Кватроченто край Шекспира
а Франция уж та особо
немножко Веймар и Версаль
все-все отчизны наши тащит
один хребет одной земли
но избраннейшая из всех
единственнойшая на свете
здесь где тебя затопчут в почву
где заступом звенящим твердо
выроют яму для мечты

Перевод Владимира Британишского

Возвращение проконсула

Решено

я вернусь ко двору государя

я еще раз попробую можно ли жить при
дворе

я бы мог оставаться в далекой провинции

здесь под сладостной сенью смоковниц

и нетягостной властью внучатых
ничтожеств

возвратившись выслуживаться не стану

буду хлопать в ладоши не слишком

улыбаться слегка брови хмурить помягче

золотой при дворе я не выслужу цепи

хватит этой железной

решено

через день через два уезжаю

не могу я среди виноградников здешних

все чужое деревья дома дождь стеклянный
цветы восковые

и засохшее облачко в гулкое небо стучит

через день через два но уеду

я с лицом своим вновь заключу договор

с этой нижней губой чтоб умела презренье
скрывать

и глазами чтоб стали пустые насквозь

с подбородком трусливым затравленным
зайцем

так дрожащим при виде начальника гвардии

знаю только что пить с ним не буду

если кубок приблизит глаза опущу

и как будто в зубах ковыряю

впрочем наш государь уважает гражданскую
смелость

до известных границ до известных разумных
границ

он ведь тоже как все человек

и к тому же уставший от фокусов этих с
отравой

без конца комбинации выпить нельзя

левый кубок для друга а в правом лишь губы
смочить

пить потом только воду следить не пронюхал
бы Тацит

выйти в сад и войти когда тело уже унесут

Решено

я вернусь ко двору государя

я и вправду надеюсь что как-нибудь все
обойдется

*Перевод Владимира
Британишского*

Пришло в голову

Однажды

зимним утром

это пришло пану Когито в голову

встало

посреди головы

и ни с места

ни вправо

ни влево

это было большое

оно сопело

пахло почтальоном

и убогой тайной

Если бы пан Когито

хоть знал
зачем оно пришло
но контакта
не было
пан Когито не смел спросить
«извините в чем дело»
его сводила с ума
безмолвная неподвижность
и тянулось это
невыносимо долго
нелепая ситуация
более того унижительная
ведь чем дольше это торчало
посреди головы
тем глубже была метаморфоза
— из чужака в гостя
— квартиранта
— совладельца
головы
это было
и было
и снова было
жесткое
стервозное
к счастью
пан Когито

заболел воспалением легких
жар вызвал пожар
голова выгорела дотла
а заодно с ней и все то
что однажды зимним утром
застыло посреди головы
теперь
пан Когито
осторожен
он методично
проверяет
окна
двери
замки
задвижки
даже печные трубы
даже плоды воображения

Перевод Андрея Базилевского

СОЧЕЛЬНИК И ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В НАШЕМ ДОМЕ

Автор воспоминаний — дочь Ярослава Ивашкевича. Ей принадлежит книга «Разрозненные мемуары», а также кулинарные повествования «Беседы о еде» и «С моим отцом о еде». В очерке рассказывается о варшавской квартире Ивашкевичей и об их доме под Варшавой в дачной местности Подкова-Лесна, в усадьбе Стависко, где теперь находится музей писателя.

Первого Рождества в варшавской квартире я не помню. В нашей квартире на Гурношленской жили родители, дедушка и две бабушки, одна настоящая, другая, с маминой стороны, — не совсем. Ну и я, конечно.

Воспоминания о первых святках, проведенных в Варшаве, связаны с образом старого слуги Яна. О том времени до сих пор говорят: «Помнишь, Марыся, на первое твоё Рождество загорелась елка и Ян помогал гасить. А на второе Рождество Ян, уже слегка в праздничном подпитии, поставил поднос со стеклянной посудой не на стол, а возле». В 1928 году мы впервые встречали Рождество в Подкове, в Стависко. Кажется, тогда дедушка подарил мне изящную куклу, которую я потом очень полюбила. Елка была «до потолка» и стояла в гостиной, где было холодно. Дед сидел перед камином. Он повесил на елку подарок для мамы: ластик, чтобы стирать машинопись, потому что мама свои всегда теряла и брала дедушкины. С этим было много смеха, потому что были и другие подарки, куда более роскошные. Не могу вспомнить, какое тогда приготовили угощение, но наверняка был вареный судак, потому что встарь всегда так бывало. Кроме судака было еще много блюд. Но у нас никогда не придерживались традиционных семи или девяти. Всегда были чудесные сласти, разложенные на старинных синих тарелках: орехи — грецкие и другие, длинные, их называли американскими, инжир, финики, крупный изюм, пряники, шоколадки... Другие сладости развешивали на елке, к нашему отчаянию, слишком высоко, легко достать их мог только отец. Тетки, сестры отца и одна тетка из Львова, готовили себе кушанье, которого я не выносила, а именно —

кутью, нечто из ячневой крупы или пшеницы, мака и меда. Они эту кутью обожали, старшая сестра отца Хелена говорила:

— Вот это я понимаю — кушанье на сочельник, не то что ваши коронярские лакомства.

Слово «коронярские» приобретало в ее устах особенно презрительный оттенок.

Кажется, сразу после смерти дедушки, в самом начале тридцатых годов, был сочельник, когда отец оказался за столом единственным мужчиной среди тринадцати женщин (жена, две дочери, три сестры, две бабушки да еще явно какие-то приبلудные тетки).

Как-то раз — а может, это было уже во время оккупации — перед самым сочельником отец взял меня прогуляться перед домом. Было морозно, хоть и не слишком, шел снежок, и вот все, что я помню: мы возвращаемся по аллее к освещенному дому, и отец показывает мне звезды. Наверно, хотел меня занять перед рождественским ужином, когда все дети несносны. Ты одета в лучшее платье, до ужина еще далеко, в комнату, где накрыт стол, входить нельзя, потому что там уже лежат подарки... А вдруг подарков вовсе не будет... Всегда так пугали и нас, и наших детей. Получишь ли то, чего так хочется?.. Никогда больше в жизни уже ничего так не ждешь. Однажды мы с младшей сестрой, доведенные до отчаяния ожиданием — и уже празднично одетые, — налили воды в ванну и стали брызгаться. Боже, что было! Еще одна мелкая шалость — и впрямь не видать бы нам подарков. (Это напоминает мне историю с моим маленьким кузенком, который все Рождество пролежал с тяжелым воспалением легких, потому что выкупался в ванне вместе с плававшим там карпом).

Перескочу через несколько рождественских сочельников, которые не так памятливы... Пожалуй, больше всего врезались в память «оккупационные» сочельники. Сочельники, когда трудно было достать традиционную рыбу, когда каждый раз, поздравляя, говорили: пусть это будут последние «такие» праздники. К нам приезжали Гожицы, Парандовские. Уже не помню, в каком году — наверно, в 1941 м — приехал Леон Шиллер; после обеда он сел, как бы невзначай, к роялю и стал, припевая, наигрывать колядки. Я затаилась возле него, потом отважилась и стала подпевать. Я тогда очень много пела, даже думала всерьез заняться вокалом. Господь уберег, ничего из этого не вышло...

Те сочельники времен оккупации были какие-то особенные, они запомнились ярче всего и очень надолго. Сколько людей тогда прошло через наш дом — он заменял им утраченное родное гнездо, становился настоящим вторым домом.

После войны мой старший сын сделал свои первые шаги возле зажженной елки. Когда моим детям говорили, что в этом году не будет елки и подарков, они — как и мы когда-то — свято верили в это.

Позднее, когда дети (мои и сестры) стали большими, не раз вставал вопрос — ставить ли елку. И каждый год была елка до потолка, игрушки отец покупал сам, а на рождественский ужин была рыба, капуста и мак, растертый с изюмом и топленым медом, а после ужина — семейный рождественский бридж, причем за игрой разрешалось путаться и болтать.

А вот несколько слов о самом празднике Рождества Христова, самом, пожалуй, любимом детском празднике. Он всегда ассоциируется у нас со снегом, катанием на санках и тому подобными удовольствиями.

Когда-то давно — в период языческой Польши — праздник этот, именуемый Годами, был праздником самой долгой ночи, которая неизбежно должна отступить перед приближающейся — не сразу, конечно — весной. В то же время это период, когда все полевые работы окончены, а новые еще не начались. Период отдыха. Праздник ожидания — что принесет новый, удлинняющийся день, праздник гаданий. Все гадания, связанные с Рождеством, имеют языческое происхождение, это остатки древнего аграрного праздника, который отмечался в тот период. Сено под скатертью, снопик в углу комнаты, остатки ужина, отданные домашним животным, убеждение, что животные умеют говорить, — свидетельства аграрных истоков праздника. Годы длились примерно с 21 декабря до Нового года. Весь этот период был временем ожидания нового года, нового урожая.

Христианство часто поглощало старые праздники и передавало им свои ритуалы, свои традиции. Потом невозможно было различить, что откуда, какая интерпретация какие имеет корни. Несомненно, от христианства идет обычай поститься в сочельник, как всегда перед великим праздником. Но неперенные элементы праздничных кушаний, такие, как мак и мед, — это еще языческие символы плодородия, урожая, они повсеместны в период Годов, видоизменяясь в зависимости от района Польши. Однажды какой-то случайный

рождественский гость сказал о кутье: «Этому блюду почти три тысячи лет!»

Я написала «случайный рождественский гость». Это связано еще с одной праздничной традицией. Гостей должно быть четное число, а кушаний — нечетное. Блюд должно быть семь, девять, тринадцать... В состав праздничной выпечки всегда входил мак — отсюда маковники, ну и мед, а стало быть — пряники, сдоба на меду. Но история пряника несколько сложнее. Пряники не сразу приняли нынешние размеры и облик, поначалу не было таких украшений, переливающейся цветной и шоколадной глазури, слоев повидла. Это позднейшие выдумки. В прежние времена пряник был невзрачным печеньцем, сухим и твердым, и делался просто из ржаной муки, замешанной на меду, разведенном водой. Видимо, произошел он от подовой лепешки, выпечки, которую можно долго хранить в сухом виде.

А держали его в так называемой домашней аптечке. В этой аптечке обретались также разные наливки и водочки — а к напиткам и пряники подавали. Позднее их стали подавать к венгерским винам, в качестве «прикусок», как теперь подают соленые орешки или сухой картофель фри. В Средневековье появилась мода на коренья, на вкус пряностей, их стали добавлять во всё, в том числе и в медовые пряники. Тогда-то печенье и изменили название: из «медовиков» стали «пряниками» (от старинного слова «пряный», то есть перченый).

Но они все еще не были похожи на те лакированные прянички, что привычны нам сегодня. В счетах Сигизмунда III мы можем обнаружить запись: плата за сладкие нюрнбергские пряники. Были они, говорят, красивого золотистого цвета, и, как видно, король был к ним равнодушен...

Начиная с XVII века в царстве польских пряников безраздельно господствует торунский пряник. Отсюда присловье, гласящее, что в Польше лучше всего — «гданьская водка, торунский пряник, краковская панна и варшавский башмак».

Торунские пряники и в давние времена были крупнее домашних и гораздо затейливей по форме. Видимо, уже тогда их делали как «на экспорт», так и «для внутреннего рынка».

В старинных поваренных книгах название «пряники» часто относится к сухой выпечке, которая может долго храниться. Рядом нередко фигурирует слово «монастырские». Собственно, в основном пряники делятся на торунские и монастырские. У

этих двух больших видов есть разновидности: шоколадные, деревенские (из ржаной муки), мазовецкие и т.п. Все они делаются сходным образом: муку разводят на теплом меду, добавляют всевозможные пряности, часто — стопку спирта. Приветствуется также апельсиновая и лимонная кожура.

Вот, к примеру, рецепт 1881 года — «торунский пряник по-домашнему»: «В десятую часть кварты растапливаемого меда понемногу вливать большую чашку спирта, то и дело перемешивая, чтоб не загорелось. Всыпать горсточку лаванды [!], ложечку сушеного имбиря, полстакана отваренной и порезанной апельсиновой кожуры, столько же лимонной, немного аниса, хорошенько перемешать и влить в пять кварт ржаной муки грубого помола, прожаренной в горячей кастрюле, крепко взбить лопаткой, а когда остынет, месить руками несколько часов. Потом разлить в формы, смочив руки в пиве с топленным медом, смазать сверху пивом, обложить цукатами и миндалем, а когда слегка поднимется — ставить в печь, протопленную для выпечки хлеба».

Что касается моих воспоминаний о пряниках, то больше всего запомнились мне довоенные прянички, покупавшиеся только на Рождество, — назывались они не то «булыжники», не то как-то вроде того, поверхность у них была вся в бугорках, как булыжная мостовая. А еще — маленькие круглые прянички, совершенно ровные, гладкие, политые сверху розовой или зеленой (говорили, будто из фисташек) глазурью. А потом пряники из моркови и искусственного меда — их у нас часто пекли в период оккупации, по рецепту какой-то экономной хозяйки времен первой мировой войны. Все праздники справляли мы с таким пряником, который для красоты был прослоен вареньем.

Ярослав Ивашкевич

СТИХИ

* * *

...огонь крепчает, блеск темнеет

Когда уже не лает пес
когда и птица не поет
и не звонят колокола
и не рождается рассвет
тогда все ярче мощь огня
и раздается ясный звук
и голос рвется из глубин
дитя рождается на свет
бесшумный пролетает вихрь
беззвучный плач несется ввысь
спускается в долину тень
сливаются и ночь и день

СОБАКА В СИЕНЕ

Постарела ты моя псина
Сиены тебе никогда не видать
даже по Стависку ты бегаешь неохотно
А у меня в Сиене «есть другая собака»
Крылатая
с радужными глазами

когда я с ней я вижу весь мир весь мир
как с высокой горы
да только не любит она меня
так как ты
порой и укусит ночью
а потом долго воет
тихонько так
что в гостинице никто не слышит

(«Итальянский песенник», 1974)

МОРОЗ

Над домом моим громоздится
гигант Орион
как бронзовые врата
три золотых гвоздя
посредине
а дом лежит в снегу
плашмя
среди голых деревьев
как малы дела
моего дома
под морозным небом
как слабо светится
уже всего одно
золотое оконце
какая стужа
А где-то там

за вратами Ориона —
мой настоящий дом
ЗЕЛЕНый САД ЗИМОЙ
Мой мир это мой мир
я не могу вам его открыть
И если даже я вам опишу
изваяния всех двенадцати месяцев
скрытые в гуще зелени
каждый из вас увидит
иную зелень —
другие статуи
и не такую зелень
А если я опишу вам свою печаль
она покажется вам смешной
детской печалью
ибо она
полна очарованья
как зеленый сад
зимой

(«Ксении и элегии», 1971)

PROVERBIUM

Широко отворились резные воротца.

(Улыбаются все — но никто не смеется.)

Пышет красной калиной коса каравая.

(Грустно всем — только что-то никто не рыдает.)

Сев окончен... Колосья идут в обмолот...

(Любят все — но за друга никто не умрет.)

Не дожидаться мне новых, веселых гостей.

(Ищет мир — лишь о мудрости нет в нем
вестей.)

(«Октостихи»,
1919)

ЭТО

На синем высоком небе две бесконечных розовых
тени.

На их фоне две черных улетающих птицы,

и в этом — вся осень.

(«Касиды», 1925)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Листья осыпались, ветер их гонит,

Дай отдохнуть у тебя на ладони.

Ветер уносит опавшие листья,

В мире не стало сверкающих истин.

Вянут цветы, увядают деревья,

Пусть же никто не сгорает во гневе.

Осень спрядает нити льняные,

Так все и будет, как кажется ныне.

(«Книга дня и книга ночи»,
1929)

* * *

Ссохлось перо, но пока еще пишет,

Сердце застыло, но все-таки бьется,

Голос звучит... хоть никто и не слышит,

Звезды — ничьи — отражение в колодце.

Ночью бредут по дороге деревья,
Клонятся липы, ломаются ветви,
В голосе ветра слышу напев я:
Было и нет — и не будет вовеки.
Рано. Не время. Никто не ответит,
Чем тебе было стать суждено.
То ли ты ветвь, и унес тебя ветер,
То ли ты — камень, упавший на дно.

(«Темные тропинки», 1957)

НОЧНАЯ ПЕСНЯ СОБАКИ

Темная ночь
страшная ночь
я ничего не знаю
о ней
Смотрит
в окно
глазищами
светит
Лучше
поближе к хозяину
возле кровати
лечь
Может он меня ей не отдаст
как я его не отдам
упырям

(«Ксении и элегии», 1970)

НОЧЬ В АВГУСТЕ

Этой ночи

не будет уже никогда

этого счастья

не будет уже никогда

и этого неба

полного звезд

не будет уже никогда

Звезды и планеты

На миг застыньте

я этому мгновению

скажу

остановись

но звезды и планеты

вращаются в пространстве

и тело уходит

как ночь

и уста медвяные

закрываются

и счастье не продлится

ни на миг

Но ведь было было

Этой минуты

не будет уже никогда

(журнал «Поэзия», 1982/11-
12)

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Осенью исполнилось уже 15 лет с того дня, когда первый после войны парламент выбрал независимого от коммунистов премьер-министра. Этот пост занял Тадеуш Мазовецкий, в прошлом главный редактор католического культурного журнала «Вензь», в 1980 м, во время августовской забастовки на Гданьской судовой верфи, — глава созданного общественными силами комитета советников, помогавшего рабочим в переговорах с властью, первый редактор «Тыгодника Солидарность», интернированный в день объявления военного положения, позднее — многолетний советник Леха Валенсы и, наконец, участник переговоров «круглого стола». В последние годы политическая и публицистическая деятельность Мазовецкого была не очень заметна, что, разумеется, не означает, будто наш первый премьер от нее отказался. Сейчас, однако, в двух важнейших газетах — «Газете wyborczej» (04, №261) и «Жечпосполитой» (04, №261) — одновременно вышли две его статьи: в первой делается попытка определить горизонты происходящих в настоящее время преобразований Европы, вторая посвящена значению того перелома, что совершился в 1989 году. Обе заслуживают внимания хотя бы потому, что написал их один из творцов тех перемен, что происходят в Польше и Европе на протяжении последних полутора десятилетий.

В статье «Сделать невозможное возможным» («Жечпосполита») Мазовецкий пишет:

«У меня создается впечатление, что европейское сознание все еще — по сей день — не вполне прониклось значением перелома 1989 года, его великого политического и духовного аспектов. Тогда, в 1989 г. и в течение двух следующих лет, распался порядок, установленный в Ялте, который почти полвека разделял Европу, а с ней весь мир на два враждебных блока. Закончилось политическое и идеологическое разделение Европы. После введения принципов экономики свободного рынка закончилось и разделение экономических систем. (...) Перелом 1989 года создал также новые надежды на европейское единство в мире духовного. (...) Польша была первой страной, проломившей брешь в системе коммунистических государств.

(...) Тогда, в начале этого пути, мы были одни. Мы знали: то, что произошло у нас, наверняка будет иметь последствия в других странах. Однако невозможно было предвидеть, что это случится так быстро. Не говоря уже о том, что еще никто — во всяком случае из крупных политиков всего мира — не предвидел крушения Советского Союза. Надо было считаться с противодействием противников перемен и в СССР, и в ГДР, и у нас самих. (...) Стратегию, принятую моим правительством, можно определить как революцию, осуществляемую мирным и эволюционным путем. (...) Став премьер-министром, я поставил перед собой главную задачу: без кровопролития провести народ через необычайно трудный период. Я верил, что эту задачу мне удастся выполнить. И что в стране, у которой за плечами множество закончившихся поражениями восстаний за свободу, самое главное — чтобы теперь получилось».

Многое, разумеется, зависело от внешних обстоятельств, от игры, которую вели великие державы, от влияния иных факторов. До сих пор продолжаются споры о том, что сыграло переломную роль. Советские войска — о чем сегодня легко забывают, анализируя деятельность новых властей Польши, — тогда стояли во всех странах Варшавского договора, полный суверенитет многим казался недостижимым, а демонстрация стремления к его достижению нередко считалось в «реалистически» мыслящих кругах рискованным поведением. Комментируя эти споры, Мазовецкий пишет:

«Часто, особенно в разговорах с политологами, задается вопрос, что в наибольшей степени способствовало великому перелому 1989 года. Политика Горбачева? Решимость Рейгана? Роль Папы? Борьба „Солидарности”? Мой ответ на эти вопросы таков. В брежневские времена перелом такого масштаба был немыслим. Можно было рассчитывать лишь на то, что к существованию „Солидарности” отнесутся с уважением, так как за ней стоят массы народа. (...) Решимость Рейгана в навязывании СССР неодолимой для него технологической гонки привела — не сразу, но уже при Горбачеве — к отходу от конфронтации в области вооружений. (...) Прежде же всего призрак нарастающего экономического кризиса вынуждал команду генерала Ярузельского искать какой-то выход. Однако прошло немало времени, пока польские коммунистические власти поняли, что никакой выход невозможен без признания „Солидарности” партнером в переговорах. (...) В Москве, когда, уже будучи премьер-министром, я нанес первый визит Горбачеву, он в конце долгого разговора сказал мне: „Может быть, вас это удивит, но я желаю вам успеха”».

А я думаю: знал ли Горбачев, говоря эти слова, что успех означает вывод советских войск с польской территории? Вернемся, однако, к анализу Мазовецкого, теперь сосредоточенного на том, чтобы указать фактор, который политологи обычно обходят, если не высмеивают, — а именно фактор нравственный:

«События 1989 года, пошедшие так глубоко, не смогли бы произойти и при Горбачеве, если бы невозможное не стало возможным. Это как раз то, чего обычно в истории не предвидят „реал-политики” ... Не предвидели этого и западноевропейские „реал-политики” тех времен. (...) Делать невозможное возможным. Объяснение того, что это было и почему это составляло существенный фактор перемен 1989 года, связано (...) с нелегким, признаюсь, для обеих сторон решением сесть за стол переговоров. Связано оно и с выбором эволюционного пути развития, не допускающим провокаций и поисков реванша. (...) А роль Папы? Когда отвечаешь на этот вопрос, вспоминается циничный вопрос Сталина: „А сколько дивизий у папы римского?” Иоанн Павел II не перечеркнул восточную политику Ватикана, но придал ей новый аспект. Аспект прямого диалога с массами, требований соблюдать права человека и права народов поработенной части Европы. Редки примеры такого влияния нравственной силы на ход истории».

Одним из ключевых моментов перемен было принятое правительством Мазовецкого решение — имевшее и нравственный аспект — прекратить выдачу беглецов из ГДР властям этого государства, к чему обязывали соответствующие договоры. В ходе визита в Польшу канцлера Коля в ноябре 1989 г., пишет автор, «мы подписали обширное и важное совместное заявление, которое стало основой дальнейшей деятельности. Тогда произошло также событие, которое приобрело ранг символа — я имею в виду приветствие мира между мной и канцлером Колем во время литургии в Кшижовой (бывшем Крайзау). Само место было не без значения — некогда имение графа фон Мольтке, место встреч участников антигитлеровского движения Сопротивления. (...) Естественно, мы говорили об окончательном признании границы по Одру—Нейссе. Канцлер представлял Христианско-демократический союз, который не голосовал за договор, заключенный Вилли Брандтом и Владиславом Гомулкой в 1970 году. А главное, в ФРГ действовал принцип, согласно которому окончательно признать границу можно только при заключении мирного договора».

Ну что ж, мирного договора нет и сегодня — и, наверное, уже не будет, что в некоторой степени означает принятие порядка, установленного в Ялте. На самом деле никто всерьез не заинтересован в пересмотре Ялтинского договора, особенно по вопросам проведенных после войны европейских границ. Поэтому неудивительно, что по вопросу о польско-немецкой границе тогда нужно было принять как можно более скорые и обязывающие двусторонние решения:

«Мне было очень важно убедить канцлера, что мы должны этот вопрос как можно скорее урегулировать (...). Канцер убеждал меня, что хотел бы это сделать, но не перед ближайшими выборами. Просил поверить, что вопрос польско-немецкого примирения близок его сердцу. (...) Договор о границе был подписан 14 ноября 1990 г. в Варшаве».

И, наконец, обращая внимание на важность факта объединения Германии, Мазовецкий заканчивает свою статью следующим выводом:

«1989 год открыл путь не только к политическому и географическому сближению Европы — он открыл и путь к глубокому сближению людей и народов. Стало ли это действительностью или по-прежнему остается скорее возможностью? Это тоже вопрос о последствиях 1989 года».

Попытка ответить на этот вопрос была в тот же день опубликована в «Газете wyborчей» под названием «Европа — континент без свойств?». Понятно, что вопрос касается и границ Европы, и европейского самосознания. Дискуссия на эти темы идет не со вчерашнего дня, ее истоки лежат по крайней мере в Средних веках, когда при дворе Карла Великого извлекли из-под спуда старое название, чтобы обозначить пространство, ограничивающее территорию власти короля, и отделить его от «варварских» территорий и Византии. Дискуссия продолжается, принимает разнообразные формы, и сейчас ее точкой отсчета стала конструкция, называемая Европейским союзом. Факт приглашения Турции к переговорам относительно вступления в Европу — после ее многолетних усилий — Мазовецкий считает хорошей исходной точкой для размышлений о будущем континента. Он пишет:

«Для меня эта дискуссия, вызванная турецким вопросом, содержит и сентиментальный мотив. Хорошо помню, как мой отец, начав в детстве знакомить меня с историей Польши, рассказывал, что в эпоху разделов при дворе султана, в присутствии представителей государств, которые ежегодно приносили ему дары и пожелания, раздавался громкий вопрос:

„Прибыл ли уже посол Лехистана?” — то есть Польши. И раздавался такой же громкий ответ: „Посол Лехистана еще не доехал”. (...) Даже если эта сцена больше была антироссийской демонстрацией, несогласие с тем, что Польша стерта с карты Европы, оставалось красноречивым жестом, изолированным на фоне того политического цинизма, с каким относились к Польше при других дворах. Однако в нашей исторической памяти сильно укоренилось другое событие — Ян III Собеский под Веной. Всегда считалось, что мы тогда защитили христианскую Европу от ислама, а европейскую цивилизацию — от уничтожения чуждой цивилизацией. Неизвестно, как пошли бы судьбы Европы, если бы не было этой обороны».

Это исторические примечания — теперь, однако, речь идет о современности:

«После вступления Турции в ЕС границы Евросоюза передвинутся в непосредственное соседство с по-прежнему взрывоопасным пространством Ближнего Востока. Возникнет также вопрос, на каких принципах ЕС должен строить свои отношения со странами, лишь отчасти европейскими — особенно евразийскими, но и такими, которые можно назвать евро-африканскими?»

Хороший вопрос, на который — в иных исторических и культурных условиях — стремился ответить Геродот, о чем замечательно рассказывает в только что вышедшей и соединяющей историю с современностью книге «Путешествия с Геродотом» Рышард Капустинский. Но если для Капустинского этот вопрос носит по преимуществу культурный характер, то Мазовецкий переводит его на язык политики:

«Решение, рекомендующее начать переговоры с Турцией, было принято Европейской комиссией с применением формулировки „да, но...”. Дело в том, что это „но” вписывается в определенный исторический ход прежних переговоров с Турцией. Они были начаты под серьезным давлением США. (...) Да только ЕС — это не НАТО, и критерии приема членов другие».

Это влечет за собой очевидные последствия в вопросах будущей внешней политики ЕС, если таковая сложится:

«Сегодня необходим серьезный диалог по вопросу об общих европейских интересах. В отношениях с Америкой Евросоюз должен стать настоящим партнером, преодолевая как слепой антиамериканизм в Западной Европе, так и существующее в странах нашего региона, особенно в Польше, непонимание

того, что Европа такого партнерства должна добиваться. Важно также, чтобы сама Америка отошла от политики односторонности. В отношениях с Россией Евросоюзу следует понять, что немецко-французская политика никогда не заменит общей европейской политики — то есть такой, в создание и осуществление которой включены и страны нашего региона. (...) А нам в Польше надо понять, что наше воздействие на Восток только тогда будет успешным, когда станет воздействием в рамках ЕС, а не в стороне от него. Это касается и нашей позиции относительно Украины и ее перспектив в ЕС. (...) Определяя общие европейские интересы, надо будет учесть специфику отдельных европейских государств: например, связи Франции со странами Магриба, Испании — со странами Латинской Америки или традиционно тесные связи Великобритании с США. (...) Глядя дальше, Европа оказывается перед проблемой сосуществования с мусульманскими странами. (...) Неизвестно, в каком месте своей внутренней эволюции находится сейчас мусульманский мир. Все указывает на его глубокую внутреннюю дифференциацию. Наступит ли там отделение „sacrum” от „profanum”, как это случилось уже несколько веков назад в европейских странах? Или же эволюция ислама будет проходить по-другому — сохраняя стержень собственной цивилизации и в то же время иначе, нежели в европейских странах, давая слово тому, что мы называем правами человека, уважением к человеческой личности, терпимостью, гражданством? Это и есть великое неизвестное. Посылка, согласно которой все разрешит глобализация, была бы ошибочной в обстоятельствах, когда как раз она, неся одностороннюю вестернизацию, порождает бунт, политическое сопротивление и даже способствует вспышкам терроризма. В мусульманских странах отвергают не технические достижения, а наведение в мире политического и культурного единообразия, связанное с Западом. Оно ощущается как лишение этих стран их корней. (...) Так какой же должна быть Европа, испытывающая ответственность за глобальную политику и вместе с тем принимающая партнерские отношения с другими цивилизациями, с которыми она будет сталкиваться все сильнее?»

Всего два этих текста, фрагменты которых я привожу, в богатом творчестве Мазовецкого не исключительны. Этот политический практик, который сдал экзамен не только в Польше, но и на международной арене, — в то же время и политический мечтатель, человек, ставящий открытые вопросы, на которые ответит будущее, но умеющий эти будущие ответы укоренить в настоящем. Так пишет не

политический «реалист», а государственный муж — и слава Богу, что такие еще встречаются.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• В этом году премию им. Ежи Гедройца, присуждаемую газетой «Жечпосполита», получил Марек Карп (посмертно) и созданный им Центр восточных исследований. В 80-е гг. Марек Карп был постоянным участником независимых лекций-бесед «Польша в Европе», ставших впоследствии «кузницей кадров» для восточной политики Третьей Речи Посполитой. В 1990 г. он основал Центр восточных исследований, которым руководил вплоть до смерти в загадочной автокатастрофе (см. некролог в предыдущем номере нашего журнала). Опираясь главным образом на СМИ, Центр анализирует ситуацию в Центральной и Восточной Европе, а также на Кавказе, Балканах и в Средней Азии. Он печатает несколько периодических изданий и располагает богатейшей базой данных. Центр восточных исследований — одно из самых уважаемых в мире учреждений такого рода.

• В Варшавском университете состоялась церемония присвоения степени почетного доктора первому президенту свободной Чехословакии, писателю и правозащитнику Вацлаву Гавелу. «Смелость и честность мышления, с которыми Гавел смотрит на окружающий мир, описывает и анализирует его, возрождают веру в то, что мыслители нужны людям», — сказал в связи с этим событием Бронислав Геремек.

• В редакции журнала «Политика» в очередной раз прошло вручение стипендий самым способным молодым ученым, победившим в конкурсе «Останьтесь с нами». «Стоит ли бороться за польскую науку, если политики недооценивают ее значение, а широкой публике на фоне повсеместной бедности она кажется роскошью?» — задался вопросом один из членов жюри министр Михал Клейбер. И, отвечая утвердительно, хотя и предъявляя при этом к миру науки определенные требования, добавил: «Независимо от того, какова будет государственная политика в этой области, наука будет любить тех, кто любит ее».

• В Варшаве на 86-м году жизни скончался один из самых популярных польских публицистов, кинокритик Зигмунт Калужинский. «Он слыл любителем спорных тезисов, потому что умел сохранять независимость и не боялся идти против

течения», — сказал его коллега по редакции «Политики» Здислав Петрасик.

- В Познани прошел Фестиваль искусства, посвященный Франтишке и Стефану Темерсонам, которые начиная с 30 х гг. создавали авангардные фильмы. Стефан писал, Франтишка рисовала, но фильмы они снимали вместе. Темерсоны умерли в 1988 году. Последние полвека жизни они провели в Лондоне. Сегодня их творчество снова вызывает интерес критики и зрителей.

- В октябре в Варшаве прошли VII Дни еврейской книги. «Эта ярмарка — попытка наверстать упущенное в период ПНР, когда еврейский вопрос был темой табу, — сказал организатор фестиваля Константы Геберт. — Казалось бы, после уничтожения в Польше евреев должна была завершиться и история их культуры. Между тем она пережила гибель своего народа и возродилась на другом языке и в другом народе. Это неслыханный успех как еврейской, так и польской культуры». В рамках фестиваля состоялось около 40 мероприятий. Презентация книг сопровождалась встречами с их авторами и героями, а также дискуссиями и демонстрацией фильмов. Кроме того прошли выставка живописи, мастер-класс песни и, главное, «Фестиваль на улице Пружной» под девизом «Варшава Зингера». На несколько дней эта старая варшавская улица стала такой, какой ее видел и описывал в своих произведениях Исаак Башевис Зингер.

- «Спокойный воскресный день» — так называется сборник репортажей Ханны Краль, написанных в 70–80 е годы. «Можно было бы предположить, что сегодня тексты, укорененные в действительности тогдашней Польши, могут быть лишь любопытным историческим свидетельством. Нет ничего более ошибочного», — пишет Бартош Мажец. А Тадеуш Соболевский утверждает: «Книга Ханны Краль, которая читается как цикл новелл, вызывает в памяти прекрасную польскую традицию литературного репортажа (...) В юморе Ханны Краль есть что-то от „шутовской точности с примесью отчаяния“, но без надежды на изменение мира (...) ПНР здесь — обличье судьбы, которой герои Краль никак не хотят покориться. Они борются, попутно предаваясь иллюзиям и мечтам (...) Эта экзотическая реальность раз за разом открывает нам знакомое, обиженное человеческое лицо». Сегодня Ханна Краль известна прежде всего как автор романов о еврейских судьбах. Может быть, стоит вспомнить, что замечательная писательница начинала с репортажей в варшавской печати. Эти искромсанные цензурой

репортажи — единственное в своем роде свидетельство о тех годах.

- Словно включаясь в дискуссию о преамбуле конституции объединенной Европы, известный историк, а некогда один из виднейших польских диссидентов Кароль Модзелевский утверждает, что «европейская культура вырастает не только из наследия античности и христианства, но и из языческого варварства». Все мы немного варвары... Книга Модзелевского «Варварская Европа» вышла в издательстве «Искры» и была названа лучшей варшавской премьерой месяца.

- Томаш Лубенский, ныне главный редактор журнала «Новые книги» («Новые книги»), а некогда автор книги «Биться или не биться», посвященной смыслу польских восстаний, решил слегка нарушить торжественную атмосферу празднования 60 й годовщины Варшавского восстания. Его последняя книга «Ни триумф, ни кончина» — это цикл эссе, написать которые, по словам самого автора, его заставило не полное надежд начало восстания, а его траурный последний день. «Лубенский отметаёт поэзию, не поддается очарованию легенды, смотрит на восстание хладнокровно, анализируя его так, как оценивают военные действия, предпринятые с определенной целью», — пишет Здислав Петрасик и, подводя итог, замечает, что предводители восстания вписались в польскую традицию, «которая, собственно говоря, не требует отчета за допущенные ошибки, неудачи легко оправдывает сговором и насилием врагов, умеет растрогаться от неудачливости в войне или политике, а в поражении охотно усматривает доказательство морального превосходства над противником».

- «осталось нам только место привязанность к месту / еще мы удерживаем руины храмов призраки садов и домов / если утратим руины не останется ничего», — писал в 1983 г. Збигнев Херберт («Рапорт из осажденного города», пер. Владимира Британишского). 80 я годовщина со дня рождения скончавшегося в 1998 г. поэта стала поводом к дискуссии о его наследии. Согласно последней воле Херберта, его личный архив должен быть передан Библиотеке редких книг и рукописей Бейнеке при библиотеке Йельского университета, в которой хранятся труды писателей из Центральной и Восточной Европы. Между тем группа польских писателей и историков выступила с инициативой оставить бумаги поэта в Польше. Кажется, нашелся даже бизнесмен, готовый выделить деньги на покупку материалов и строительство архива, достойного этого названия, где можно было бы разместить и рукописи других писателей (сейчас они хранятся главным образом в

Национальной библиотеке, у которой, однако, не хватает денег, чтобы покупать все). В настоящее время ведутся переговоры с вдовой поэта Катажиной Херберт. Тем временем в годовщину со дня рождения Херберта на доме, в котором он жил в Варшаве, открылась мемориальная доска.

- В этом году гостем VII фестиваля «Варшава писателей» была голландская литература, многочисленные представители которой съехались в польскую столицу. Среди них были, в частности, Арнон Грюнберг («Фантомная боль») и Тесса де Лоо («Сестры-близнецы»). Фестиваль сопровождался киносеансами, дискуссиями и светскими приемами... «Варшава писателей» проводится начиная с 1996 года. Один из ее организаторов — Центр современного искусства в Уяздовском замке.

- Последними польскими бестселлерами стали: написанная в репортажном стиле книга Рышарда Капустинского «Встречи с Геродотом», шедевр литературы фэнтези «Божьи воины» Анджея Сапковского и автобиографическая книга Януша Гловацкого «Из головы». Высокую позицию занимает также награжденный премией «Нике» роман Войцеха Кучока «Говно». В списках бестселлеров оказались и три рассказа Ольги Токарчук, изданные под общим названием «Последние истории». В них Токарчук рассказывает о трех женщинах — бабке, матери и дочери. Это горькая книга, которая, как пишет критик газеты «Жечпосполита», «развеивает иллюзии о том, что выбор вписан в человеческую судьбу».

- «Эту книгу, — пишет Эльжбета Савицкая, — придумали Анджей Ват из Парижа и Данута Врублевская из Варшавы. И слава им за это. Появился новый бесценный документ». Речь идет о двухтомнике «Ян Лебенштейн», изданном в пятую годовщину со дня смерти художника. В первом томе напечатаны «беседы о собственном искусстве, о традиции и современности». Второй том называется «Ян Лебенштейн и критика. Эссе, рецензии, воспоминания». Сам художник редко говорил о себе и своем искусстве, поэтому авторам пришлось обратиться к другим свидетельствам. «Из текстов о художнике следует, что он не очень-то любил говорить о себе, — пишет Дорота Ярецкая. — Мы знаем только то, что сказали о нем другие». В связи с пятилетием со дня смерти художника во вроцлавском Национальном музее открылась выставка его работ.

- Одним из центральных культурных мероприятий Польского сезона во Франции стала выставка работ Бруно Шульца в парижском Еврейском музее. Выставке сопутствовало издание

литературных произведений Шульца, а также французский перевод книги Ежи Фицовского «Бруно Шульц. Регионы великой ереси». Французский знаток творчества Шульца Серж Фошро написал о нем в каталоге выставки: «Значение Шульца состоит не только в его своеобразии, но и в том, что в своем искусстве он сумел передать дух эпохи и сказать собственным голосом о вещах, не чуждых и другим художникам».

- В Познани открылась выставка «В сторону Шульца», на которой представлены работы современных польских художников, созданные под влиянием творчества Бруно Шульца. Среди участников выставки есть такие мастера, как Францишек Старовойский, Францишек Маслющак, Игорь Миторай, Здислав Бексинский, Даниэль Хоровиц и многие другие. Из Познани выставка отправится в Краков и Львов.

- В возрасте 63 лет скончался один из самых популярных польских художников Ежи Дуда-Грач. О себе он писал так: «Я изображаю мир, который уходит, умирает, в котором больше сна, детских воспоминаний, мир на фоне доиндустриального пейзажа. На моих картинах нет телефонных проводов, кабелей, спутниковых антенн, машин, самолетов — всего, что снова заведет человека на дерево, если он будет и дальше так интенсивно развиваться в этом направлении». Последний цикл его картин, посвященный творчеству Фридерика Шопена, будет представлен на ближайшем Шопеновском конкурсе в 2005 году.

- В Козлувке под Люблином в почти нетронутom состоянии сохранилась бывшая магнатская резиденция рода Замоиских. В этом году созданный там музей празднует свое 60-летие. Это один из самых посещаемых музеев в Польше, чему способствовала также открывшаяся там 10 лет назад единственная в стране Галерея соцреализма. В галерее собраны художественные свидетельства эпохи коммунизма, но прежде всего — исчезнувшие с улиц польских городов памятники пэнэровским «святым». Аллеи парка заполнены каменными фигурами Ленина, Берута, Дзержинского. Не хватает только Сталина — по неизвестным причинам в Польше не было поставлено ни одного памятника генералиссимусу.

- В 1964 г. два историка искусства обнаружили у настоятеля прихода в Косове-Лацком удивительную картину, изображающую экстаз св. Франциска. Теперь уже доподлинно известно, что автор «Экстаза» — Эль-Греко и что это один из самых ценных экспонатов, хранящихся в польских музеях. В этом году картина была впервые показана публично в Епархиальном музее города Седльце. Картина была одной из

самых сокровенных тайн польской Церкви во времена, когда существовала опасность, что ее присвоит один из крупных национальных музеев или, еще того хуже, повесит в своем кабинете какой-нибудь партийный босс.

- Все говорит о том, что в феврале наконец-то начнет вещать новый канал ТВП — «Канал Культура», который будет доступен по спутниковому телевидению и в кабельных сетях. Как обещают авторы замысла, это будет «интеллектуальная программа для требовательного зрителя». Может быть, там найдется место и для материалов, посвященных проблемам культуры и искусства, которые до сих пор с трудом проникали на экраны государственного телевидения.

- Новый шеф редакции документальных фильмов ТВП Кшиштоф Тальчевский обещал увеличить долю документального кино в программе канала. Свою речь он закончил такими словами: «У нас [показывают] столько страдальчества! Не мешало бы снять документальные фильмы, с иронией изображающие пээнэровское прошлое и высмеивающие нашу нынешнюю коммерциализированную жизнь, в т.ч. и само телевидение. Мне не хочется быть занудой от истории. Я ищу нового Пивовского [Марек Пивовский — знаменитый режиссер-нонконформист, снявший, в частности, в 1970 г. кинофильм «Рейс». — *Ред.*]».

- Международный варшавский кинофестиваль (в этом году он проводился уже в 20 й раз) пришел на смену весьма популярным в ПНР «Конфронтациям», на которые зрители приезжали даже из соседних стран соцлагеря. В те времена на «Конфронтациях» показывали самые выдающиеся, награжденные на международных кинофестивалях фильмы, у многих из которых по внехудожественным причинам не было шансов попасть в нормальный прокат. Сегодня на варшавском фестивале тоже можно увидеть такие картины, но причины уже другие. Теперь действия прокатчиков продиктованы не политикой, а коммерцией. Поэтому фестивали, на которых можно увидеть творчество и великих, и малых, имея уверенность, что всегда найдется что-нибудь интересное, действуют на киноманов как освежающий душ. Ничего удивительного, что фестивальные кинотеатры часто переживают настоящую осаду, а дискуссии после сеансов бывают весьма бурными. О некоторых зрителях, именующих себя «пожирателями фильмов», пишет в фельетоне Рафал Стец: «Их мозги устроены по-особому. Если у фильма уже есть польский прокатчик, такой фильм отпадает: жалко времени на то, что и так выйдет на экраны (...) „Пожиратель” ищет такие

фильмы, которые в лучшем случае затеряются на региональном телевидении и будут показаны лет через пять, в среду, в три часа ночи (...) Он впитывает в себя все, что оригинально, диковинно, экзотично, ни на что не похоже». Наверное, хорошо, что в программе фестиваля есть такие фильмы. В этом году директор Стефан Лаудин показал 110 фильмов. Многие из них были сняты в странах нашего региона. У Лаудина есть и новые проекты: «Меня преследует идея организовать региональную киноярмарку, — говорит он. — В каждой из стран нашего региона появляются прокатчики, телеканалы, открытые к местной кинематографии (...) Потенциальный рынок польских фильмов — это страны Восточной Европы, особенно Россия».

- Под девизом «Восток—Запад—Вдохновение» прошел в Варшаве Фестиваль театральных фестивалей «Встречи». По мнению Романа Павловского, его главными событиями стали кувейтский спектакль «Аль-Гамлет» и «Трилогия дракона» Робера Лепаж — многочасовое представление, которое при помощи очень условных выразительных средств рассказывает о жизни многонационального Квебека. «Трилогия дракона» «восхищает точностью, новаторскими выразительными средствами и темпом повествования. В ней Лепаж преобразует мотивы поп-культуры, пользуется киномонтажом и проекцией, но в то же время защищает автономность театра». О кувейтском Шекспире Павловский пишет: «Это трагедия принца Датского, перенесенная в реалии Ближнего Востока, где феодальная структура власти, террор и убийства из-за угла — в порядке вещей. Автор пьесы Сулейман Аль-Бассам привнес в „Гамлета“ не только сюжет ближневосточной войны, но и язык арабской поэзии, в котором жестокость перемешана с изысканной чувствительностью». Между тем публика восторженно приняла два представления Пекинской оперы, а большинство критиков сочли событием не только фестиваля, но и польской театральной жизни спектакль «Неоконченное произведение для актера», поставленный Кристианом Люпой по мотивам чеховской «Чайки» и «Испанской пьесы» французенки Ясмину Реза.

- О спектакле Люпы пишет Януш Р. Ковальчик: «Соединение обоих произведений показывает, как далеко ушли мы за последнее столетие от возможности какого бы то ни было взаимопонимания с другими людьми, даже самыми близкими (...) Замечательно играющие актеры наполнили своей магической индивидуальностью красивые, тревожно-лирические сцены из „Чайки“, сопоставленные с неврастеническими эмоциями „Испанской пьесы“ (...)

Спектакль Кристиана Люпы с необычно организованным (как всегда у этого постановщика) пространством показывает замкнутый, малодоступный мир людей театра (...) К „Неоконченному произведению...” стоит присмотреться — пусть даже с недоверием, но без предубеждения».

- В свой 70-й день рождения Збигнев Запасевич, сыгравший во многих фильмах Анджея Вайды и Кшиштофа Занусси, выступил в спектакле «Запасевич читает Бекетта», а его родной театр «Повсехный» устроил ему торжественный юбилей. «Запасевич выступает на сцене уже полвека, — пишет критик «Газеты выборчей». — Он сыграл более ста ролей. После перелома 1989 г. он не пошел по пути легкого успеха в „мыльных операх”, не продал свое лицо рекламе, но остался верен художественному театру и высокому кино. Он предпочел читать на радио стихи Херберта (...) Тем самым он, возможно, и закрыл себе путь на обложки глянцевого журналов (...) но зато сохранил себя как артист».

- «Своим „Ричардом II” я не намерен доказывать никаких тезисов. Я не хочу воспользоваться Шекспиром, чтобы рассказать о себе. Наоборот, я служу Шекспиру», — сказал режиссер спектакля Анджей Северин накануне варшавской премьеры. Замечательный актер, а в последнее время все чаще режиссер, член коллектива «Комеди Франсез», он поставил необычайно выразительный, прекрасно сыгранный спектакль, в котором, как и было обещано, действительно «слышен Шекспир».

- Для поляков день Поминовения Усопших — это время воспоминаний и раздумий. На кладбищах появляются тысячи лампад, а запах цветов смешивается с запахом опадающих листьев. Журналисты «Газеты выборчей» провели на варшавских Повонзках необычное исследование. Чтобы узнать, кого из ушедших в этом году мы помним лучше всего, они... посчитали лампады. Больше всего огоньков оказалось на могиле политика и общественного деятеля, ранее одного из лидеров польской демократической оппозиции Яцека Куроня — 2400! Две тысячи лампад люди принесли на могилу полковника Рышарда Куклинского, тысячу — на могилу трагически погибшего в Ираке журналиста Вальдемара Милевича, а около 800 — к надгробию умершего от рака барда «Солидарности» Яцека Качмарского. Никто не был забыт — на могилах других известных людей тоже зажглось множество лампад. Немало их было и на могиле Болеслава Пруса — самого варшавского из польских писателей.